

ИГРА В ИДЕАЛЫ

Том II

ИГРА В
ИДЕАЛЫ

МАРИНА ШАПОВАЛОВА

Марина Шаповалова

Игра в идеалы. Том II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43651314

ISBN 9785005028563

Аннотация

Эта книга одна из тех, что хочется дочитать до конца. Действия романа происходят в альтернативном мире. Лондон, 18 век. Осиротевшая девочка решает вернуть родительские регалии. Но местная аристократия давно похоронила ее вместе с родителями. Оттого возвращение повзрослевшей Даманы становится скандальным событием. А еще находятся те, кому возвращение девушки совсем не на руку. Дамана будет находить ответы. Последствия этих откровений могут быть весьма непредсказуемыми.

Содержание

Игра в идеалы	5
Том II	6
10 января 1773 года. Пятница	6
25 января 1773 года. Суббота	8
26 января 1773 года. Воскресенье	17
27 января 1773 года. Понедельник	27
29 января 1773 года. Среда	32
Вне времени	50
1 июля 1774 года. Воскресенье	51
10 июля 1774 года. Вторник	55
13 июля 1774 года. Пятница	57
14 июля 1774 года. Суббота	58
16 июля 1774 года. Понедельник	59
17 июля 1774 года. Вторник	63
4 ноября 1774 года. Суббота	68
5 ноября 1774 года. Воскресенье	76
6 ноября 1774 года. Понедельник	97
Вне времени	102
1 декабря 1774 года. Пятница	104
3 декабря 1774 года. Воскресенье	108
7 декабря 1774 года. Четверг	111
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Игра в идеалы

Том II

Марина Шаповалова

© Марина Шаповалова, 2019

ISBN 978-5-0050-2856-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-2854-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра в идеалы

Том II

10 января 1773 года. Пятница

Сегодня я пришла на работу к Питеру в два часа дня, во время его обеденного перерыва, чтобы лично разобраться в законах. Все общежитие было в панике, когда пришел последний счет за жилье. Мы с Питером сидели в его адвокатской конторе и пытались найти хоть что-нибудь, что поможет спасти наш дом. Но мы прекрасно понимали: дело гиблое.

– Где сейчас Карл? – спросил Питер.

– С матерью, по делам поехал, – ответила я, ковыряясь в бумагах.

Мы не теряли надежды, почти молились. Три часа бессмысленного перелистывания страниц не привели ни к чему. Когда наши глаза уже совсем ничего не видели, Пит сел на диван, я же легла, положив голову ему на ноги. Ричардс откинул голову назад и гладил мои волосы, чтобы успокоить меня. Он сам невероятно нервничал, и поэтому я в ответ гладила его левую руку. Стояла полнейшая тишина. Когда часы пробили пять, я спросила:

– Как у тебя дела с Салли?

– Все отлично! Ну а у тебя?

– Просто потрясающе!.. Если бы не эта проблема...

– С домом? – предположил Питер, тяжело вздыхая.

– Да... Неужели ничего нельзя сделать?

– Можно.

Питер поднял голову, смотря вниз на мое заинтересованное лицо. Иронично улыбнулся и предложил:

– Заставить детей попрошайничать...

Я не оценила шутки и стукнула Питера в грудь. Тот сделал вид, будто я сломала ему ребра.

– Не смешно, – зло заявила я, вставая. – Я серьезно... Как не допустить выселения?

Пит еще раз тяжело вздохнул, поднял меня, взяв под колени, и прижал к груди. И я с радостью к ней прильнула. Одну руку он положил мне на талию, вторую – на затылок. Нежно и обессиленно проговорил:

– Не знаю, Эли... Не знаю...

– Что же будет делать Кейт с грудничком на руках на улице?

– Не дай бог...

Обнявшись, мы сидели еще полчаса. После чего я отправилась домой.

25 января 1773 года. Суббота

Все, абсолютно все жильцы собрались в гостиной в одиннадцатый вечера. Не по радостному поводу: скорее по траурному. Кейт даже рыдала. Я стояла рядом с Карлом, он меня нежно обнимал. На диванах сидели дети, Кейт и миссис Ричардс, все остальные стояли. Все семнадцать человек, включая меня, ненавидели конверт, который лежал на журнальном столике. Он поверг нас в страх. Пришло письмо в пять вечера. Миссис Норрис первая прочитала его. Я была второй, потому что в то время мы вместе ужинали. Письмо извещало хозяйку о том, что постоянный двор и его территория переходят во владение королевства. И всех жильцов до тридцатого января просили освободить здание. Выселение...

– Что же теперь делать?! – причитала Эмма.

– Мы не можем освободить дом, – возмущалась миссис Тайлер. – Как же дети?!

– А что нам еще остается? – нервничал мистер Браун. – Строить баррикады?

– Да хоть бы и баррикады! – рыдала миссис Норрис. – Как я могу покинуть этот дом?! Здесь все мое! Здесь даже моя память...

Карл оторвался от меня и пошел к матери. Он крепко обнял ее, и его глаза тоже немного намокли, наверное, потому,

что он не мог выносить ее слез:

– Не надо, мама... Что ты, жизнь не заканчивается...

– Потеряв дом, я потеряю все!...

– А как быть мне? – спрашивала Кейт. – Я буду рожать на улице?

Мистер Смит пытался ее успокоить словами, что нервы повредят ребенку. Мое сердце разрывалось. Я ненавидела всю Англию за такие законы.

– Элизабет, Питер, – обратился к нам Карл. – Вы же копались в этих правилах, неужели ничего не нашли?

Я помотала головой.

– Нужно вернуть долг, – сказал Питер, – это единственный выход. А строить баррикады – по меньшей мере глупо. Нас за это могут посадить. За сколько мы задолжали?

– За полгода, – ответила миссис Норрис. – Сумма непо-стижимая.

– Какой толк от выплаты долгов? – спросила мать Питера. – Мы влезем в новые, и все начнется заново.

– Ваша правда, – согласился мистер Браун.

Молчание. Оно заставило многих вздрогнуть. Нас спас Питер. Ведь он работал на отличного адвоката и много знал.

– Сумма налога на недвижимость заметно сократится, если...

– Что – если? – нервно спросил Карл.

Питер задумчиво нахмурил брови и продолжил:

– Насколько я понимаю, земля, на которой стоит дом,

не принадлежит вам, миссис Норрис?

Та кивнула.

– Потому налог настолько большой, – сделал вывод Питер. – Если бы земля принадлежала частному лицу, все было бы гораздо дешевле.

– То есть надо выкупить землю? – спросила Салли.

– Да. Тогда месячная плата за дом будет меньше. И я думаю, мы спокойно ее потянем.

– Давайте так и сделаем! – воскликнула Кейт.

– Все куда сложнее, – возразил Питер. – Если мы не можем даже заплатить полугодовой долг, то земля нам точно не по карману. К тому же после покупки земли долг все равно придется вернуть.

– Но лучше этой перспективы у нас нет ничего, – подытожил Карл.

– Ты можешь себе представить, какая это сумма? – иронично спросил мистер Браун.

Карл промолчал. Но в глазах всех жителей появилась надежда. Та самая, которая приходит во время отчаянья.

– Я думаю, – сказал Питер, – что сумма перевесит капитал всех нас.

Опять молчание.

– Но надо что-то делать! – простонала Эмма.

– У нас четыре дня на сбор денег, – сказал Карл. – Нас сейчас объединяет общее дело. Я уверен, что половине из нас некуда идти. Может, попытаем удачу?..

– Ты думаешь, что говоришь? – спросил мистер Браун. – Мы не сможем. Единственное, что мы успеем сделать за эти четыре дня, – собрать вещи и найти новое жилье!

– Мы понимаем, Карл, что этот дом для тебя – все, – продолжила миссис Тайлер. – Но отдать все сбережения на выкуп земли... Это безумие!

Карл был ошарашен. Казалось, он готов горы свернуть, лишь бы не упустить наследие отца. У него даже лицо задергалось:

– Вы отступаете?! Как вы смеете! Все вы!

Я подошла к Карлу его успокоить. Неизвестно, к чему бы привела его вспышка безумия. Но Карл меня будто не замечал:

– Как вы смеете бросать мою мать! Она вас приютила, словно беспризорников... За мизерную плату! Если бы не она, вы давно бы уже сдохли где-нибудь на улице!

– Карл...

– Вы жалкие, неблагодарные сволочи!

– Карл, всем сейчас тяжело, – сказал мистер Смит.

– Ты вообще молчи! От тебя я такого не ожидал! Вы как хотите, но я хоть дьяволу душу продам, но не допущу, чтобы дом достался королевству...

Карл со злостью ударил ногой по дивану. С яростью посмотрел на всех и тяжело вышел из гостиной. Громко хлопнул дверью. Шел так стремительно, что я не успела за ним. Дверь захлопнулась прямо передо мной. Я остановилась.

Я не обижалась на Карла, прекрасно понимала его. Стремление спасти отцовский дом меня восхищало. Но как мне хотелось, чтобы проблемы ушли от него. Я всегда хотела видеть Карла счастливым. Ради его спокойствия я тоже была готова на все. Но как выкупить дом с землей? Как?

Гробовое молчание. Миссис Норрис со слезами выбежала из гостиной. Мне тоже хотелось плакать. Я хотела помочь семье Норрис, ведь я до сих пор им так обязана. Возможно, я так свою мать не любила, как я люблю миссис Норрис. Все жители за моей спиной уже сделали свой выбор. Они думали только об одном: как бы найти чемоданы для такого количества вещей.

По моему сердцу как будто черти плясали чечетку, отбивая ритм раскаленными копытами. Я стояла спиной ко всем, когда мистер Смит сказал:

– На что он надеется? Может, думает, что деньги посыплются с неба?..

Эврика! Танцующих чертей прогнало озарение!

Я резко обернулась к соседям. Почти улыбаясь, сказала:

– Пакуйтесь! Съезжайте! А мы справимся...

Я опять повернулась к двери. Хотела уйти, но меня за руку взял Питер:

– Ричардсы с вами, Элизабет...

Это меня обнадежило. Я уже почувствовала победу. Я его не благодарила, а просто крепко обняла за шею.

– Даже не смей думать, что мы уйдем отсюда, – добавил

Питер. – Наш семейный совет решил побороться.

Я посмотрела на миссис Ричардс и на Киру. Они мне улыбнулись, я в ответ поклонилась. Питер поправил очки и сказал:

– Лично я совсем не знаю, как спасти дом. Но наверняка у тебя есть идея? Так?

– О-о-о да!

– Я не сомневался. В чем она?

– Неважно, – ответила я. – Я сама все сделаю.

– Нет, подожди, так не пойдет... Неужели не нужна помощь?

– Вообще-то нужна.

– Ты скажи, я все сделаю!

– От тебя требуются полезные советы, юридические ответы на вопросы. И главное – завтра же узнай, сколько нужно денег на покупку этой земли, и точную сумму нашего долга.

– Хорошо. Все сделаю.

– И вскоре ты мне очень понадобишься как юрист.

– Буду рад.

– Тогда до завтра! И вот что еще. Никому ни слова!

Питер кивнул.

Я пошла к миссис Норрис. Я умоляла ее не беспокоиться, говорила, что все будет хорошо. Она не верила. Ее бы убедили факты, доказательства и печати. Но я не могла открыть ей свои карты, иначе она запретила бы мне сделать то, что я хочу.

Мой план был прост. Единственная трудность – время. И кстати, где Карл? Он ушел на улицу, и я начала нервничать. Карл в таком состоянии, что, боюсь, он совершит какое-нибудь безумие.

С миссис Норрис я провела где-то полчаса, пытаюсь ее успокоить. Заварила ей чай с мятой. Тогда слезы и истерика прекратились. Наступил час ночи, а Карл не появился. Я думала пойти его искать, но хозяйка меня остановила. Убеждала, что с ним все в порядке.

Я пошла к себе в комнату. Хотела уснуть, но не могла. Каждую минуту я ненавидела. Мечась по комнате, я не знала, что и делать. Уже три ночи! Карла нет дома! Где же он? Наконец, через некоторое время раздался спасительный стук в дверь. Я кинулась ее открывать:

– Слава богу! Карл!

Я впустила его в комнату. Карл был разбит, измучен и потерян. Я усадила его на кровать и стала отчитывать:

– Где ты был? Так поздно! Я места себе не нахожу.

Я рассматривала лицо, руки, шею Карла, молясь, лишь бы на них не было следов побоев.

– Сама чуть не пошла тебя искать. Меня твоя мама остановила.

Карл ничего не говорил. Он взял мои руки, которые остановились на его лице, и спокойно проговорил:

– Да, мне она рассказала. Тоже не спит...

– Ты в порядке? На улице ни с кем не...

– Дрался, – закончил за меня Карл. – Нет. Я в полном порядке. И даже не пил.

Он смотрел мне в глаза. Никогда я его не видела таким. Карл был сломлен. От глубины его страдания мое сердце сжалось. Я опять почувствовала, что обязана заставить Карла забыть обо всех проблемах. Я поцеловала его, очень нежно, мягко. Глядя его шею и мочку уха, я шепотом сказала:

– Все будет хорошо...

– Нет, – отверг он, отворачиваясь. – Ничего не будет хорошо!

Я ладонью повернула его лицо к себе. Смотря ему в глаза, я убеждала его, заставляя поверить мне:

– Все будет хорошо. Я обещаю тебе.

Карл взял мою руку, прижал к сердцу, поцеловал ее.

– Поверь мне, дом твоего отца не будет тронут, как дом моего отца!

На этот раз Карл посмотрел на меня куда серьезнее. Наверное, он понял, что я говорю не пустые слова.

– Я сделаю так, что никто на него не посягнет... Ты мне веришь?

Карл нахмурился:

– Как ты это сделаешь?

– Неважно.

– Нет, важно!

– Не бойся, это не преступление. Я потом тебе все расскажу. Тебе и миссис Норрис. Сейчас я прошу об одном: про-

шу, поверь мне! Я хочу, чтобы ты верил в меня. Ведь я тебя никогда не обманывала. Ты мне веришь? Веришь?

Карл закрыл глаза, потом открыл, улыбнулся, поправил мои волосы и сказал:

– Милая, с тобой мне так спокойно. Конечно, я верю тебе.

– Спасибо...

От этих слов мне стало очень хорошо. И Карлу вроде полегчало. В его глазах появился стремление к жизни.

Я поцеловала Карла в открытую шею: рубашка не была до конца застегнута. По нему побежали мурашки. Карл провел рукой по моему животу и выше, к шее, легким движением задевая мою грудь. В этот момент мы оба почувствовали желание и поддались ему. Сильнее прижались друг к другу. Я села ему на ноги, продолжая целовать. Карл меня гладил, когда я начала расстегивать его рубашку. Провела ногтями по его груди, после чего он положил меня на кровать. Это была наша первая ночь...

26 января 1773 года. Воскресенье

С утра Карлу надо было на работу, поэтому проснулись мы оба рано. Он встал с кровати, чем разбудил меня. Я открыла глаза и увидела, что Карл одевается.

– Ты сбегаешь от меня? – сонным голосом спросила я, натягивая одеяло на плечи.

Карл как будто испугался. Он рывком обернулся. Его лицо исказила искренняя грусть.

– Нет, – протянул он.

Норрис застегнул брюки, плюхнулся на кровать и потянулся ко мне, чтобы поцеловать.

– Нет, конечно, – продолжил он, гладя мою шею. – Мне просто на работу надо, я не хотел тебя будить. Мы проспали всего полтора часа... Сейчас полседьмого, я уже опаздываю.

Застегивая рубашку, Карл сказал:

– Ты как проснешься, передай маме, что я на работе... и... – Карл блаженно улыбнулся. – Подробности можешь пропустить.

Я улыбнулась ему в ответ. Он еще раз поцеловал меня:

– Люблю тебя.

Карл выбежал. Я же издала непонятный мне самой приглушенный крик и растянулась по всей кровати. Да, я была на седьмом небе...

Лежала я недолго, минут десять. Отдыхать некогда. Я

умылась и оделась. К миссис Норрис зашла, но она еще спала, поэтому я оставила записку, чтобы она не беспокоилась, почему нас с Карлом нет дома. Это помогло мне избежать подробностей. Сразу после этого, не позавтракав, я поднялась и постучалась к Питеру. Он открывал дверь очень долго, потому что еще спал.

– Ты знаешь, который час, а главное – какой день недели?

– Нет времени на сон, – перебила я Питера. – Хватит там греть Салли...

– Не ревнуй, – огрызнулся он.

– Ты обещал помочь, – пропустила я слова Питера мимо ушей. – Так что открывай свои сонные очи, одевайся и за дело. Сегодня в двенадцать, максимум в час буду ждать тебя в гостиной с точной суммой долга. Понял?

Питер стоя засыпал.

– Ты понял меня? – уже со злостью спросила я.

– Да! Да... Я понял.

– Сегодня воскресенье, у всех выходной...

– Тебе не стоит об этом беспокоиться, – спокойно и уверенно проговорил Питер. – Я найду возможности.

– Хорошо. Давай, не медли.

Я пошла по коридору к лестнице, когда Питер мне вдогонку сказал:

– А поцеловать на удачу?

– Сначала принеси мне удачу – потом все что угодно...

– Ловлю на слове.

Я послала Питу воздушный поцелуй и побежала вниз по лестнице. Отправилась будить Дэвида. Мне нужна была его помощь. И ради этого я шла на большой риск.

Около девяти утра я была в его доме. Мы сидели вдвоем на кухне.

– Мне нужна твоя помощь.

Дэвид после этих слов полностью проснулся. Он с сожалением взял мои руки и серьезно проговорил:

– Карл вчера приходил... Все рассказал. Не волнуйся, на первых порах вы сможете пожить у нас. Хоть квартирка маленькая, но...

– Карл просился у вас пожить? – с сомнением спросила я.

– Нет, но я ему это предложил. Это лучше, чем то, что он задумал... Лучше тюрьмы! Не дай бог что сорвется... Мы уже не в том возрасте, чтобы так рисковать...

– Ты о чем? Что вы придумали?..

Дэвид понял, что меня ни во что не посвящали, поэтому предложил самый удобный для него вариант:

– У Карла сама спросишь...

Я вытащила ладони из рук Дэвида и продолжила:

– Нет, ты не понял. Вернее, я еще ничего не объяснила.

Карл тебе рассказал все, как я понимаю?

Дэвид кивнул.

– Это хорошо. В общем, скажи мне, ради Карла, меня и миссис Норрис ты мне поможешь?

– Да, конечно, – без малейшего сомнения сказал Дэвид.

– Я не сомневаюсь.

– Да что случилось?..

– Дэвид, ты человек слова? Это все знают. Ты мне дал обещание помочь этой семье, ты его сдержишь? Ведь это так?

– Я не совсем понимаю... Но, естественно, я сделаю все возможное.

– Еще пообещай, что не будешь задавать лишние вопросы. В свое время все узнаешь.

– Я слушаю, – серьезно ответил Дэвид.

Он стал таким, каким его привыкли видеть все: серьезным вожаком. Я поняла, что могу довериться ему.

– Тогда посмотри.

Я достала завязанный платок из кармана. Туда я положила кое-какие вещи, чтобы ничего не потерять. Аккуратно положила платок на кухонный стол. Раздался металлический стук. Я встала и крепко закрыла дверь. Дэвид насторожился. Он смотрел на платок, когда поинтересовался, что это.

– Всего лишь платок, – ответила я. – Главное – что в нем.

Я села на место и тяжелыми руками развязала узел. Дэвиду открылся потрясающий вид. Две золотые подвески с бриллиантами, два браслета, столько же массивных драгоценных серег и материнское обручальное кольцо...

– Откуда это? – спросил, заикаясь, Дэвид.

– Если я скажу, что я это не украла, ты мне поверишь?

– Нет.

– Тогда ты задаешь лишний вопрос.

– Значит, ты это украла?

Дэвид вскочил со стула. Я тоже встала и сказала:

– Дэвид, это настоящее золото и драгоценные камни!

Но они не краденые. Все принадлежит мне.

– Откуда это у тебя?

– Если расскажу, все равно не поверишь.

– А ты попробуй.

– Мы договорились, что ты не будешь задавать вопросы, на которые я не захочу отвечать.

Дэвид немного успокоился.

– Сядь, – сказала я, после чего сама села. – Ты, наверное, представляешь, сколько это стоит?

Дэвид кивнул, и жестом попросил разрешения прикоснуться к драгоценностям. Я кивком разрешила. Он рассматривал их:

– И что ты с ними хочешь сделать?

– Продать, – без раздумий ответила я. Я попыталась сделать вид, что эти вещи для меня ничего не значат. Дэвид поверил – но я не верила сама себе. Особенно тяжело было расставаться с кольцом. Но эта жертва того стоила.

– Зачем продавать такую красоту?

– Чтобы выкупить общежитие.

– Да за такое ты не только общежитие получишь!

– Верно, – подтвердила я. – Еще землю, на которой стоит дом. Она тоже достанется миссис Норрис.

– Миссис Норрис?

– Да. Оформим все на нее.

Дэвид одобрительно улыбнулся:

– Карлу действительно повезло с девушкой.

– Не хвали меня. Я практически отдаю долг.

– За что ты им задолжала?

– Люди они хорошие... Таких надо оберегать.

Дэвид еще раз улыбнулся, покрутил в пальцах кольцо:

– Ты была права, у меня к тебе полно вопросов...

– Потом все расскажу. А сейчас мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал, сегодня же.

– Что?

– Покатайся по Лондону. Найди самый хороший ломбард, где за эти безделушки дадут огромные деньги единым платежом.

– Безделушки... Скажешь тоже.

– Только, Дэвид, – попросила я, завязывая драгоценности в платок. – Никому ни слова.

– Договорились.

Я убрала платок в карман. Потом встала со стула. Дэвид, как подобает джентльмену, тоже встал.

– Сегодня примерно в шесть я приду к тебе. Расскажешь о результатах.

Дэвид кивнул. Проводил меня до двери, помог мне одеться. Мы обнялись, и я пошла на встречу к Питеру.

Тот оказался пунктуален и появился дома ровно в полпервого. Так как в гостиной были люди, мы решили пойти ко

мне в комнату.

– Вот все расписки, – сказал Питер, протягивая меня бумаге. – Здесь, внизу, общая сумма.

У меня округлились глаза. Питер это заметил:

– Да, немало.

– Хорошо. А где документы на землю?

– Вот. Здесь все, что надо. Все расписано по пунктам.

Я рассматривала бумаги, прикинула, во сколько это обойдется.

– Так что у тебя за план?

– А? – спросила я. – Никакого плана. Просто я хочу выкупить дом и землю...

Питер посмотрел на меня, как на ненормальную, и сам засмеялся.

– Ты серьезно? – он не верил своим ушам.

– Абсолютно.

– Тогда следующий вопрос: откуда? Откуда ты возьмешь такие деньги?

– Завтра в первой половине дня они у меня появятся. Откуда именно? Ну, считай, что это наследство от родственников.

– Нет, постой! Что-то тут нечисто...

– Почему? Я убираюсь в комнате, – отшутилась я. – Все абсолютно чисто. Поверь. Объясню как-нибудь потом.

– Когда?

– Когда все утихнет... вокруг моей персоны...

Питер толком не понял, о чем речь, но это и к лучшему. Он не сводил с меня удивленного взгляда и задал наводящий вопрос:

– Так ты определись в своей легенде. Обычная девушка из Оксфорда. Есть ли у тебя там родственники или ты все же сирота?

Я посмотрела Питеру в глаза. Понимая, что мне бояться его скрытых знаний не надо, я улыбнулась ему украдкой и ответила:

– Мои отношения с родственниками таковы, что мне проще назваться сиротой.

Этот ответ устроил Питера. Он промолчал, а я продолжила:

– Сегодня была у Дэвида... Он посвящен в наше общее дело. К великой радости, он на нашей стороне. Можешь ли ты завтра отпроситься с работы?

– Только во второй половине дня.

– Хорошо. Подготовь все бумаги, чтобы оформить дом и землю на миссис Норрис. Сможешь?

– Да. Но мне нужны ее личные документы.

– Я достану.

– Украдешь?

– Позаимствую, – усмехнулась я. – Тогда завтра часа в два мы с Дэвидом придем к тебе на работу. Оттуда вместе отправимся к нотариусу.

Питер кивнул. Я тяжело выдохнула и откинулась на кро-

вать. Питер тоже лег, рядом со мной. Положив руки под голову, он сказал:

– Не переживай, Эли, все получится.

Я повернулась и положила голову ему на грудь:

– Будем надеяться.

Странно, наверное, это выглядело со стороны. Любя Карла, я не отказывала себе в удовольствии проводить время с Питером. Может, кто-то это сочтет грязным, а кто-то – изменой. Но нас ничего не связывает, кроме дружбы и душевных бесед. Для меня это нормально. Я не вносила в отношения с Питером никаких плотских желаний. Я могла себе позволить такое поведение только с ним. Потому что знала, Пит не позволит себе лишнего без разрешения. Хотя, мысли на этот счет и у него крутились в голове. Ведь именно на этой кровати мы провели нашу первую ночь.

Позже я проводила Питера к Салли, сама пошла к Дэвиду, а после – к миссис Норрис. Наш совместный ужин затянулся, и так получилось, что мы встретили Карла с работы. Мы были рады увидеть его не усталым. Редко когда Карл возвращался с работы воодушевленный, пусть даже сонный. Когда миссис Норрис вышла из столовой, Карл повернул меня к себе и, щурясь, спросил:

– Что ты делаешь со мной?

Я поняла, что он настроен игриво. Положила руки ему на плечи, сильнее прижалась к нему. Иронично вскинула бровями, поинтересовалась:

– А в чем дело?

Карл не смог не улыбнуться, опустил взгляд, но потом опять вошел в образ. Нежно обняв меня за талию, собрался меня поцеловать, но вместо этого шепотом проговорил:

– Весь рабочий день я не мог сосредоточиться... Память прошлой ночи так будоражила.

Я что-то промурлыкала. Потом бархатным голосом сказала:

– Тогда есть предложение добавить что-нибудь твоей памяти...

Я нежно коснулась губами его губ, подмигнула и, направляясь к двери, недвусмысленно намекнула:

– Я у себя...

27 января 1773 года. Понедельник

Как и вчера, Карлу пришлось рано встать. Мне тоже. Уроки отменили, потому что всем было не до учебы. Жители собирали вещи. Зря...

Сегодня у меня ответственный день. Сегодня я должна быть на высоте, я должна быть способна на невозможное. Все мои таланты, подаренные природой и породистыми родственниками, должны проявить себя в лучшем свете.

С утра, отправившись к Дэвиду, я наслаждалась зимним солнцем.

Ювелирный магазин, что он выбрал, выглядел внушительно, как снаружи, так и внутри. Зайдя, мы представились клиентами, желающими продать семейные драгоценности. Молодой человек усадил нас за столик, который стоял поодаль от окна. Мы чувствовали себя уверенно и не нервничали. Вчера Дэвид уже заходил сюда и обговорил с хозяином магазина кое-какие детали сделки.

– Симпатичное место, – шепотом проговорила я, чтобы не нарушать здешнюю «библиотечную» тишину.

Не успел Дэвид кивнуть, как у нашего столика возник человек, который далеко в прошлом оставил молодость, а вместе с ней, если так можно выразиться, жизненность.

– Спасибо, – сухо ответил он на мой комплимент.

Мужчина оказался старый, ему было примерно лет во-

семьдесят, иссохший, невысокий, ниже меня, не говоря уж о моем спутнике.

– Здравствуйте, – поздоровался Дэвид. – Я вчера к вам заходил...

– Да, да. Я вас помню. Это и есть та самая девушка? – спросил мужчина, кинув взгляд на меня.

Я встала и пожала протянутую руку. Я была уверена в себе и в успехе сделки.

– Доброе утро, – поздоровалась я.

– Что ж, – протянул старик. – Пройдемте в мой кабинет.

Мы с Дэвидом последовали за ним. Кабинет оказался маленьким, не повернуться, и темным: шторы на окнах не пропускали солнечных лучей. Продавец сел во главе стола, я – перед ним, Дэвид – возле меня.

– Чего-нибудь желаете? – спросил старик. – Чай, кофе, другую отраву?

Мы с Дэвидом переглянулись, сдерживая смех.

– Нет, спасибо, – ответил Дэвид.

– Вот и чудно. Тогда перейдем к делу.

Старик посмотрел на меня, словно оценивая. Не знаю, с чем он меня сравнил. Может быть, с алмазом, который надо отшлифовать до бриллианта... Ну, или с бриллиантом, который искусно подделан, но от профессионального глаза это не скроется.

– Молодой человек, – начал старик, – сказал, что вы хотите продать фамильные драгоценности.

– Вы сомневаетесь? – дерзко спросила я.

– Судя по вашему одеянию... Мне неинтересны медяхи, которые вы принесли...

Я была оскорблена. Так ты язвить будешь?!

– Если вы привыкли сравнивать людей с металлом, – начала я, – то ваш давно уже заржавел...

– Элизабет! – воскликнул Дэвид.

Но я не сводила дерзких глаз со старца, который в порыве гнева взлетел со стула и потребовал:

– Вон!

– В деловых отношениях не может быть ничего личного, – проговорила я. – Даже на оскорбления можно закрыть глаза, когда на кону большие деньги... Сядьте, – я уже завоевала главенство в этой комнате. – Вам нужны безделушки, мне нужны деньги. Мы можем помочь друг другу.

Я достала платок, положила на стол и извлекла сокровища. Продавец застыл. Потом профессионализм взял свое, и он начал рассматривать драгоценности через лупу у окна, открыв шторы. Мы с Дэвидом наблюдали виртуозные движения рук, глаз и молча восхищались. Спустя минут пятнадцать хозяин магазина сел, посмотрел на меня и спросил:

– Где украла?

– Я похожа на воровку?

– Нет, но как это могло оказаться у тебя?

– Наследство...

– Врешь!

– Нет. А если вы не верите, то вызовите полицию, они вам растолкуют, что эти драгоценности никто не разыскивает. Я знаю, по какому принципу работают ювелирные магазины... Больше того, я даже знаю, сколько денег могу потребовать за этот маленький клад. Я весьма недурно разбираюсь в этом. Вам я готова предложить удачную цену, но только ради того, чтобы мы все быстро оформили. Время не ждет. Если не вы, то другой ювелир согласится со мной...

Эти слова убедили старика... Он был удивлен моей осведомленности. Но я сама испугалась за свое предложение.

– Так что дважды подумайте, стоит ли тратить мое время и ваши деньги на полицию.

– Сколько вы хотите за это все?

Дэвид вмешался, и правильно сделал:

– А сколько вы готовы дать?

Мы поторговались, набили цену, достаточную для спасения общежития. Тогда я поняла, что могу сохранить кольцо. На остальное мне было наплевать, но кольцо я хотела оставить. Мы долго обсуждали сумму, старик так же долго раздумывал и рассматривал драгоценности. Примерно через полтора часа сделка произошла, и я сохранила кольцо. Держа в руках деньги, я поняла, что способна выкупить дом миссис Норрис и землю.

Спрятав добычу, мы с Дэвидом поехали к Питеру, чтобы втроем отправиться к нотариусу. Все прошло гладко. Мы подали заявление на оформление документов.

Здесь главенствовал Питер. Он разговаривал с сотрудниками на непонятном мне языке. Но, я не переживала, так как знала, что и в интересах Питера сделать все правильно.

Нам сказали, что мы можем вернуться завтра и подписать бумаги. В прекрасном настроении мы разошлись по домам. И ничто не предвещало беды, но так получилось, что нотариус завтра не работал. Видимо, нам об этом забыли рассказать... Что со мной тогда творилось, трудно описать, так что я лучше это опущу.

29 января 1773 года. Среда

Говорят, худшее на свете – ждать и догонять. Сегодня я в полной мере получила и то, и другое. Не спала всю ночь, сомневалась, что все получится, это меня убивало.

Высокопоставленные люди должны были прийти к миссис Норрис для разговора о выселении завтра в полдень. У меня остались сутки.

В шесть утра я, обессиленная от недосыпа, стучалась к Питеру, чтобы уже отправиться к нотариусу, хотя работать тот начинал в девять. Позавтракав у меня, мы зашли к Дэвиду и втроем поехали.

В кебе мне стало совсем плохо. В голову лезли мысли о неудаче. В глазах был один только Карл. Видели бы вы его вчера. Я истратила последние силы на актерский талант, убедила его, что у меня все под контролем. До чего тошно: а вдруг я напрасно продала мамины украшения. Вдруг я ничего не успею, вдруг мой гениально простой план провалится...

К нотариусу мы приехали непростительно рано: в начале девятого. Время текло очень долго. Я спиной уперлась в стену и съехала по ней. Сидя на корточках, руками накрыла голову.

Все молчали. Только Дэвид с Питером перекинулись взаимными упреками. Они особо друг друга не любили. Меж-

ду ними витала неприязнь... Все из-за Карла. Они постоянно ссорились в последнее время. Мне приходилось их разнимать. А сегодня они на редкость спокойны, держат себя в руках. Я знаю, почему: им сложно видеть меня такой. Им даже страшно утешить меня, словно это нанесет мне новую рану, которую уже не залечить.

Через пятнадцать минут у меня затекли ноги. И я решила успокоиться, чтобы не нагнетать ситуацию. Встала, перевела взгляд на Дэвида с Питером, которые смотрели на меня, как больные овчарки. Быстро поняв, что надо что-то делать, я улыбнулась и сказала:

– Эх, как мне жить-то сейчас захотелось!

Ребят развеселились. Наверное, нечасто они видят воскресшего из мертвых.

– Почему-то предчувствую победу, – продолжила я.

Нотариус открыл двери. Повезло, что мы первые.

– Прошу вас, присаживайтесь, – сказала женщина, которая впустила нас внутрь. – У меня хорошие новости. Вот документы на вашу частную собственность, они готовы...

Конечно, я должна была обрадоваться, но я не сдержалась:

– Почему вы вчера нам об этом не сказали?!

Женщина несколько опешила. Но потом, как бы извиняясь, объяснила:

– Да, простите. Но вчера мы были закрыты, потому что наш директор умер... – Женщина переменялась в лице, в нем появилась боль потери. – Директор... был моим стар-

шим братом...

– Как печально, – без малейшего сожаления проговорила я.

Дэвид с Питером с негодованием посмотрели на меня. «Элизабет!» – осуждающе произнес Дэвид. Но осадить меня у него не получилось, я его только чуть не прожгла яростным взглядом.

– Давайте побыстрее с этим покончим, – предложил Питер. – Покупку земли и дома мы сделали, вернули долг. Хотелось бы иметь доказательства на руках.

– Да, – срывающимся голосом сказала женщина, отводя от меня оскорбленный взгляд. – Здесь все, что надо. Кто из вас – владелец земли и дома?

Мы засуетились.

– Его здесь нет, – сказал Питер.

– Тогда как он лично поставит подпись?

– Нам нужна миссис Норрис, – предположил Дэвид. – Или хотя бы Карл.

– Черт! Как же я мог про это забыть! – вскричал Питер.

– У тебя всегда все через ...! – гаркнул Дэвид.

– Ты вообще кто такой?!

– Пожалуйста, – попросила я, – замолчите... Надо решить, как поступить. У меня уже нет сил вам опять объяснять, что мы не враги друг другу.

– Да, ты права, – согласился Пит, глядя меня по плечу. – Прости, мы не хотели. Но нам нужна миссис Норрис.

– Она не должна ничего знать до завтрашнего дня, – объяснила я. – Тем более она не должна знать, откуда я взяла деньги.

– Почему? – спросил Дэвид.

– Она не поймет, – ответил Питер.

– Тогда пусть подпишет Карл, – предложил Дэвид.

– Он сейчас может быть в любом уголке Лондона, – отрезала я.

– Обязательно нужна миссис Норрис?

– Нет, в бланке можно написать любое имя, – объяснила нотариус. – Миссис Лив Норрис покупатель. Но владельцем может быть любой другой человек.

– Тогда Элизабет, – предложил Дэвид. – У тебя же личные документы с собой, ты только что в них смотрела.

Все тайное становится явным. Как же им объяснить, что в бумагах у меня имя графини и убийцы?.. Я начала выкручиваться:

– Владельцем должен быть представитель семьи Норрис. Ведь для них все это делается.

– Идти за хозяйкой? – предложил Дэвид.

– Потеряем много времени, – не согласился Питер. – Тем более мы не единственные клиенты... Народу много, можем не успеть.

Мы вопросительно посмотрели на женщину. Она кивком подтвердила слова Питера.

– Тогда оформляем на Эли... – начал Питер.

– Нет.

– Что значит нет? Лично я паспорт с собой не взял. Дэвида это никаким боком не касается...

– И я не взял.

– Почему вы их не носите с собой?! – возмутилась я.

– Эли, – продолжил Питер. – Твои старания, твои деньги, твои единственные документы... Все сходится. К тому же, Эли, ты в любой момент все можешь подарить любви своей жизни, то есть Карлу, или миссис Норрис. Совершенно беспрепятственно. У нас нет времени на капризы, ты сама знаешь! Все произойдет уже завтра...

Я долго сидела и молчала. Не знала, что делать. Я бы согласилась зарегистрировать дом на себя, даже не боясь фамилии, как графиня, но Даману Брустер наверняка еще помнят как малолетнюю убийцу.

– Что-то не так? – спросил Дэвид.

– Я в безвыходном положении...

– Почему?

Я наконец решилась:

– Я имею право на анонимность?

Дэвид и Питер возмущенно переглянулись. Я странно себя вела. Еще бы: возможно, они подумали, что я им не доверяю. Хотя так яростно и горячо говорила, что мы не враги... Но одно они поняли точно: я что-то скрываю.

– Я подпишу все бумаги, но наедине с вами. – Я посмотрела на женщину.

– Зачем тебе это? – спросил Питер.

– Потому что так надо, – ответила я, смотря в пол.

Помощники, которые служили мне верой и правдой, разделяя со мной все переживания, выглядели обиженно, даже оскорбленно.

– У меня есть причины, – оправдалась я.

Мы с женщиной прошли в кабинет. Нервно я протянула ей паспорт. Она первым делом, конечно же, прочитала имя. Что-то переменилось в ее лице. Меня это напугало, я поняла, что нужно переходить в нападение. Сыграю-ка я девушку, которая трезво оценила ситуацию.

– Это не то, о чем вы подумали, – начала я.

– Ваши друзья называют вас Элизабет, – проговорила женщина.

– Да, именно поэтому я попросила уединения. Понимаете, как получилось... Я появилась в их жизни три года назад. Понимаете, с чем ассоциировалось мое имя?

– Вернее, с кем...

– Нет, – отрезала я. – Именно – с чем. С убийцей, о которой говорило все королевство! Когда я познакомилась с ребятами, я предпочла назвать другое имя, чтобы они меня не заподозрили. Я пообещала себе, что расскажу им правду, когда эту девчонку поймут... Но до сих пор не набралась мужества. Прошло уже три года... Они не поймут. Вы видели, как они на меня посмотрели, – добавила я с чувством, – когда я попросила уединения?! К тому же я уже привыкла

к имени Элизабет... Оно красивее.

Опять я вру.

– Да, – осторожно начала девушка. – Но Дамана – не такое распространенное имя. Особенно в сочетании с фамилией Брустер.

– В том-то и дело! Поэтому я наврала всем... Я погрязла во лжи. Понимаете, меня назвали в честь дочери графа, мы с ней могли быть одногодками...

Что за бред я несу! Лгу о том, как я лгала! Нотариус, конечно, насторожилась. И какое-то время размышляла. Но внимательнее посмотрев документы еще раз, убедилась, что они не поддельные. Женщина наверняка была бы куда более строже, если бы не траур на ее лице. И была бы куда более сговорчивее, если бы я держала свой ядовитый язык за зубами.

Мы недолго провозились с документами, подписали, что нужно, и проставили печати. Теперь все будет хорошо, как я и обещала Карлу. Какое блаженство... Но после родилась новая проблема. Как мне теперь объясниться с вожаком моей стаи и Питом?..

Тогда я взялась за цепочку с крестиком, но креста не коснулась. Я прикоснулась к маминому кольцо, словно прося у него помощи. И оно помогло, отогнало дурные мысли, и я увидела, как наяву, счастливое лицо Карла и добрую слезу миссис Норрис.

Я отправилась в приемную. Дэвида с Питером там не ока-

залось. Вот это да: неужели так обиделись, что не дождались меня?

Оказалось, ребята стояли на улице и курили. Я вышла наружу. Они вопросительно на меня посмотрели. Прозвучал вопрос, но не тот, который их безумно мучил.

– Все хорошо прошло? – поинтересовался Дэвид.

– Да, – с облегчением ответила я. – Хорошо. Теперь все будет хорошо.

Мы не продолжили беседу. Поймали кеб и поехали домой, просто сил не осталось на разговоры. Я сидела у окна и размышляла, а упадок сил преобразовался в упоение сладости.

В одиннадцать ночи Карл и я встретились в гостиной. Поздоровались, поцеловались. Я не стала тянуть кота за хвост и выпалила:

– У меня хорошая новость!

– Какая? – с некой иронией проговорил Карл.

Я улыбнулась, нежно провела рукой по его скулам и подошла к дивану, где лежали документы.

– Это тебе, – сказала я, протягивая их Карлу.

– Что это? – спросил он с неким сомнением.

Я не ответила. Предвкушала скорый восторг Карла. Он, взяв документы, несколько насторожившись, вчитался в текст. Чем дальше он читал, тем более хмурым становился. Карл растерялся:

– Как это понимать?

– Завтра нам не придется съезжать!

Он ничего не ответил. Карл становился все более напряженным.

– Ты рад? – осторожно спросила я.

– Но что это значит?..

Тут я поняла, почему у Карла на лице нет и намека на радость. Не успела я что-то объяснить, как в гостиную зашли Дэвид и Питер. Пожали руку Карлу. Тот ничего не сказал, даже не обрадовался появлению друзей, а удивился. Впрочем, как и я. Карл выглядел все так же напряженно, почти злобно.

– Ты уже знаешь? – поинтересовался Дэвид.

– Вы что, – нервно спросил Карл, – тоже знали?

– И прямо участвовали, – пояснил Питер, удобно располагаясь в кресле.

Он, как всегда, был спокоен. Дэвид же выглядел так, словно жаждал мести. Я опешила от их появления. Не то чтобы я им не рада, но меня что-то смущает. Наверное, их настрой.

Я вернулась к Карлу. Тот смотрел на меня, будто я что-то испортила или предала его.

– Да, они мне помогали. Но ты не переживай! Я обещаю! Мы все переведем на тебя или на миссис Норрис, хоть завтра! Честно!

Карл оцепенел. Он пропустил мимо ушей мои слова.

– Дэвид, – сказал Питер. – Кажется, мы не вовремя...

– Карл! Что с тобой?

– Как ты это сделала? – грубо спросил Карл, тряся документами. – Где ты нашла такие деньги?!

– Я же обещала, что все сделаю...

– Помню! Но я не воспринял это всерьез!

Я не знала, что сказать.

– Еще раз спрашиваю, – так же грубо продолжил Карл. – Откуда деньги?

– Это неважно...

– Черт возьми – важно! – крикнул Карл.

– Нет... – я растерянно помотала головой.

Повисло молчание. Карл не сводил с меня озабоченных глаз, требующих ответа.

– Я-то думал, вопросы есть только у меня с Питером, – усмехнулся Дэвид.

Карл перевел на него взгляд.

– Я тоже спрашивал у Эли, откуда она возьмет деньги, – сообщил Питер. – Элизабет? Ну?

– Неважно!

– Она сказала, что это наследство, – пояснил меня Дэвид. – И с самого начала говорила, что не хочет, чтобы ты знал... Меня удивили не деньги. Возможно, у нее богатые предки, но зачем и почему Элизабет не хочет показывать паспорт? Ты не подскажешь, Карл?

Карл не обратил внимания на вопрос. Продолжил гнуть свою линию:

– Какие предки? Откуда деньги? Говори!

Я молчала.

– Драгоценности, – осторожно ответил за меня Дэвид. – Мы продали какие-то драгоценности и выкупили постоянный двор.

Глаза Карла изменились. На миг он обмяк, словно пустой мешок. Отвернулся, сделал пару шагов, тяжело выдохнув.

Я злобно покосилась на Питера. Тот сидел, как ни в чем не бывало. Переведя глаза на Дэвида, я столкнулась с равнодушным взглядом.

Как мне надоели капризы Карла, предательство Дэвида и Питера! Я ведь тоже устала! Во мне не осталось и намёка на доброту и нежность:

– Неблагодарный! Я думала, ты будешь рад!

Карл резко развернулся:

– Я?

– Да! Ты! Я это сделала для тебя и твоей матери!

– Тебя никто не просил!

– Что ты сказал?!

– Я имел в виду... Да, я рад, что ты нас спасла! Но, Дамана, какой ценой!

– Дамана? – тихо повторил Дэвид.

– Ух ты, – выдохнул Питер.

– Карл! – продолжила я. – Для меня это золото ничего не значит!

– Не значит?! – закричал Карл. – Врешь! Это твоя память о родителях, почти единственная!

– Каких родителей? – спросил Дэвид.

– Если бы я не продала драгоценности, то и от твоего отца осталась бы только память!

– Нас здесь нет, Дэвид, – со смешком отметил Питер.

– Не говори мне такого, Дамана!

– Я не понимаю тебя, Карл!

– Честное слово! – не выдержал Питер. – Когда вы ссоритесь, даже Зевс начинает нервничать!

Но мы не слышали ни Питера, ни Зевса.

– Лучше бы от моего отца осталась только память! Ты предала своего!..

– Чушь! Мы прожили вместе всего семь лет, но я знаю одно: он гордился бы моим поступком!

– Я так не думаю!

– Да ты хоть о чем-нибудь еще думаешь, кроме своей морали?

– Ты обвиняешь меня в том, что я воспитан?!

– При чем тут это?!

– Хватит! – раздался голос Питера в миг молчания. – Драгоценности не вернешь. Дом спасен. К тому же Эли... или Дамана, я уже не знаю, выкупила и землю, так что налоги для нас теперь не проблема.

– Почему ты ничего мне не сказал? – дерзко спросил Карл у Дэвида.

– Мне запретили. Но молчали и вы. И у вас есть маленький секрет. Верно?

Карл промолчал.

– Тебе тоже велели молчать? – предположил Дэвид.

– Сам знаешь, Карл, – встрял Питер. – Эли невозможно перечить...

Мы с Карлом наконец остыли и поняли: мы проболтались. Беспокойно переглянулись. Он не собирался ничего объяснить без моего согласия. Но мы оба понимали, что молчание сделает только хуже. Неизвестно, что придет в голову Дэвиду и Питеру.

Карл все еще держал документы, расстроенный, он выглядел совершенно опустошенным. Тяжело выдохнул и посмотрел на меня.

– Карл! – настаивал Дэвид. – Кто она?

– Зачем вам это?

– Мы должны знать, с кем разговариваем и кому столько времени доверяли, – ответил Дэвид.

– Вы все равно не сможете понять, что натворили, – проговорил Карл.

– Кто она?! Скажи наконец!

Карл посмотрел на меня. Я неохотно кивнула.

– Вас это удивит.

Он не хотел говорить. Словно борясь сам с собой, все же вымолвил:

– Друзья, перед вами законная наследница и единственная дочь... графа Джорджа Брустера... Это никакая не Элизабет Тейчер. Ее настоящее имя – Дамана Брустер.

Видел бы ты, дорогой читатель, выражение лиц Дэвида и Питера! Дэвид окаменел. А Пит, наоборот, улыбнулся, даже ожил:

– А я догадывался!

Я сама не понимала, что чувствовала. Да, Питер теперь знает правду о той, с кем разделял постель: это хорошо. Дэвид тоже знает. Да, в моих жилах графская кровь, но я так свыклась с образом Элизабет. А теперь они увидят во мне малолетнюю убийцу...

– Не может быть!.. – наконец выговорил Дэвид. – Она умерла.

– Да, – ответила я. – Ее похоронили... Но трупа и могилы никто не видел. Разве не так?

– Так, но... – сомневался Дэвид. Он по-прежнему был в оцепенении. Питер же сиял, смотрел на меня, словно на ангела.

– Дамана умерла, – сказал он. – Но воскресла со смертью охранника... Моя мать думала, что ты и есть эта малолетняя убийца. Но фамилия, имя и возраст... Как у дочери графа...

– Ты на самом деле убила охранника? – после тяжелого молчания спросил Дэвид.

– Дэвид, ну... – остановил его Карл.

– Не надо. Я отвечу. Да. Убила. Но ты не представляешь, какие круги ада мне пришлось пройти, – призрачным голосом ответила я.

– Ты еще оправдываешься? – возмутился Дэвид.

– Помнится, ты сам ее оправдывал три года назад, когда мы только познакомились. На озере...

– Да! Но тогда я не думал, что она среди нас!

– Что бы это изменило? Вы составили о Дамане Брустер неплохое мнение. Зачем было его портить?

– Ты знал, Карл? – спросил Дэвид.

– Не с начала. Я привез Даману в общежитие, потом сюда пришла полиция... Мы с мамой соврали им. Позже Элизабет все рассказала. Мы ее поняли и простили, что и вам двоим советую!

– Так вот что ты задолжала семье Норрис, – обратился ко мне Дэвид. – Жизнь и свободу?

Я кивнула.

– Получается, – догадался Питер, – мы продали украшения семьи Брустер?! Вот незадача...

– Теперь понял меру своей ошибки? – враждебно и поучительно спросил Карл.

– Да, – с разочарованной улыбкой ответил Питер. – Могли бы выручить больше денег.

Я улыбнулась шутке. Это заметил Карл и вновь рассвирепел:

– Продала украшения матери и улыбаешься?..

– Ты сам виноват.

– Что? Я не просил тебя идти на такие жертвы!

Карл кричал. Но я не стала обижаться, ведь он делал это из благих побуждений.

– Да, не просил, – ответила я, поворачиваясь к нему. – Этого могло не произойти, если бы ты выдал меня полиции. Так скажи, Карл... Неужели лучше бы мне зачехнуть в тюрьме? Я всего лишь распоряжаюсь своим состоянием. Так, как сама хочу.

Карл запнулся. С этим ему было сложно поспорить.

– Бог свидетель, Дамана, – сказал он спокойно, но решительно. – Говорю при Дэвиде и Питере: я в долгу не останусь...

– Конечно, – ласково проговорила я. – Теперь мы квиты.

– При чем тут это! – вновь взорвался Карл. – Не знаю, как... Но я все верну!

Я подошла к нему вплотную и вынула цепочку с крестиком. Но показать я хотела не распятие, а самое ценное: мамино кольцо. Показала Карлу:

– Теперь тебе полегчало, правда?

– И что ты скажешь маме? – спокойно спросил он.

– Ничего.

– Как?..

– Так. Мы с тобой завтра с утра пойдем в нужную контору... Скажем им, что выкупили дом и землю. Они не придут выселять нас. Миссис Норрис не узнает, как мы это сделали и откуда взяли деньги. Она верует в Бога, так пусть считает, что это его благодать... А то она просит у него помощи, а он будто оглох...

– Все продумала... – иронично сказал Карл.

– Мы договорились? – спросила я, протягивая руку.

Карл с секунду думал. Глубоко заглянул в мои честные, но хитрые глаза. Он не стал пожимать мне руку: так же хитро улыбнулся, взял меня за талию, подвинул к себе и поцеловал.

– Договорились. Но если еще раз я узнаю про подобный фокус, я не буду так нежен...

– Нежен? Ты кричал на меня! – игриво возмутилась я.

– Это и есть нежность по сравнению с тем, что я могу устроить...

– Мне надо бояться? – промурлыкала я.

Карл не ответил, а только улыбнулся и снова поцеловал меня. Так мы помирились. Целовались мы недолго: Дэвид наглым образом нас растащил.

– Я не понимаю, – начал он. – Карл, она графиня...

Интересно, что сделает Карл?

Тот воодушевленно улыбнулся и сказал:

– Ну, значит, мне повезло!

После краткого молчания Дэвид издал смешок, а потом все мы засмеялись. Питер встал с дивана:

– Назовем это божью благодатью. Прекрасно, но... Что ты собираешься делать, Дамана?

– Элизабет, – поправила я его, обнимая Карла. – Пока я собираюсь оставаться Элизабет.

– Но как...

– Быть графиней – всего лишь сказка, мечта. Мечтами жить тоже интересно.

– Нет, Дамана... Жить так, чтобы для кого-то это стало мечтой – вот, что действительно интересно.

Так парировать мог только Питер Ричардс.

– Верно...

Вне времени

Странно и смешно, даже несправедливо. Я потратила столько сил и бесценных минут жизни, достигла цели – но не ощущаю удовольствия. Через месяц после этих событий, я переписала постоянный двор на Карла. Хотя он не считал это нужным, я настояла. Выкупила постоянный двор, получила новое уважение друзей. Дэвид и Питер поняли и простили меня за непреднамеренное убийство. И с Карлом мы как будто перешли на новый этап отношений. У меня было все. Псевдоним, планы на будущее – и впервые ничего не мешало воплотить их в жизнь. Но мне постоянно чего-то не хватало. Я не жалею о сделанном, но хочу – большего!

Никто из общежития не уехал. Карл принес свои официальные извинения перед всеми соседями за свою грубость. Оправдался он отчаяньем. Соседи тоже ответили взаимностью и извинились за трусость и бездушность. Из-за спасенного постоянного двора, было столько радости, что обижаться друг на друга совсем не хотелось. Все понимали, что в нас говорили эмоции и страх перед будущим. Мои ученики каждое утро приходили на занятия с готовым домашним заданием. И намечалось пополнение: десятого апреля Кейт родила сына! Мальчика назвали Дэном.

Медленно, но верно я подхожу к самому, наверно, интересному этапу своей жизни.

1 июля 1774 года. Воскресенье

Мне девятнадцать лет.

Прекрасное время года – лето.

– Скучаешь? – спросила я, опустившись на колени и обняв Карла за плечи. Он сидел на крыльце, дожидаясь, пока я проснусь. Не ожидал, что кто-то подойдет сзади, отчего немного вздрогнул, но потом блаженно улыбнулся.

– С добрым утром... – слегка меланхолично проговорил Карл, глядя перед собой. Это показалось мне странным.

– Что с тобой, милый?

– Со мной? – удивился Карл. – Все прекрасно.

Забавно... Порой бывает же такая странность у женщин. Когда мужчина полностью счастлив, это сразу кажется нам подозрительным. Изменил? Встретил другую и готов влюбиться? Что-то скрывает?.. Примерно так я размышляла. Многие девушки подумали бы о подводном течении в штиле отношений.

Сегодня мы собирались посидеть на нашем месте у озера. Весь день и вечер Карл не сводил с меня глаз и чаще, чем прежде, обнимал меня и целовал. А когда Том запел очередную песню, я поняла... Может, не стоит искать причин хорошего настроения Карла и подозревать его? Зачем что-то надумывать, ревновать без доказательств? Может, не стоит усложнять ситуацию. Лучше подумаю, что именно я сделала

его таким счастливым. Карл похож на влюбленного? Неудивительно: ведь он влюблен – в меня! Наверняка не только девушки боятся потерять любовь.

Но возникает другой вопрос... Что лучше: думать, что все прекрасно, питать иллюзии – или быть настороже и ждать подвоха, трезво оценивая каждый жест, взгляд, действие? Разыскивая в них нелогичность, мифический обман. Что не так больно? Разбитые грезы или жизнь без мечтаний?

Вывод напрашивается один: надо найти золотую середину. Но нужно быть либо умной, либо сильной, чтобы из этой середины не кидаться в крайности. Что выбрала я? Доверилась Карлу, понимая, что он больше не причинит мне боли.

– Я хочу от тебя детей... – сказал Карл, когда я на секунду отпрянула от его губ.

Мы сидели у меня в комнате. Карл, одетый – в кресле, а я, почти обнаженная – на нем. Мы целовались и хотели отдаться страсти.

И тут он сказал эту фразу. Я подумала, что он просто не в себе, но увидела серьезный взгляд Карла. Он не ошибся, это не случайность.

Я озадаченно посмотрела на Карла:

– Ты серьезно?

– Какие могут быть шутки.

– Но мы не женаты. Дети не могут родиться вне брака.

Я не сердилась – наоборот, мне было приятно услышать

такое.

– Знаю, – сказал Карл. – Сейчас ты не готова и не хочешь детей. И именно поэтому я не стою перед тобою на коленях и не прошу твоей руки.

Карл нежно поправил мои волосы. Он единственный делал это так, что от удовольствия я закрывала глаза. Продолжил говорить с улыбкой:

– Но если у меня появятся дети, я хочу, чтобы их матерью была – Дамана Брустер... Я хочу детей от графини, да. Пусть меня обвинят в корыстности. Но прежде задумаются: а кто лучше, чем я, знает эту великолепную девушку? Кто, кроме меня, защищал и будет защищать ее? Я буду любить наших детей так, как не могу любить тебя. Это единственная любовь, которую я не могу тебе дать, Дамана. Я не могу любить тебя как родственницу. Я люблю тебя как гениальное создание Бога! Я люблю тебя как женщину... Как свою женщину! И дети будут нашим продолжением. Им я подарю любовь, которая тебе не достанется никогда... И тогда все будет на своих местах.

Что еще может хотеть женщина в этом жестоком мире? Я желаю Карла... Моего Карла. От его слов слезы навернулись на глаза. Зачать ребенка захотелось прямо сейчас... но стоп! Мне же всего лишь девятнадцать.

– Что на это скажет моя графиня? – спросил Карл, лбом прислоняясь к моему лбу.

– Я подарю тебе радость отцовства... Потому что ни от ко-

го другого я не хочу слышать подобные слова. Мои дети будут называть папой только тебя, Карл Норрис!

Карл улыбнулся. Он был абсолютно счастлив, он верил мне. Не наступит никогда такого времени, когда мне придется ему солгать... По крайней мере в вопросе искренности моих чувств к нему.

– И пусть меня обвинят в любви к какому-то кебмену... Я скажу им в ответ: покажите мне более благородного мужчину, чем Карл Норрис, совершенное божье создание. Люблю тебя... И наших будущих детей.

– Спасибо, – на тяжелом выдохе проговорил Карл. – Люблю тебя, родная...

10 июля 1774 года. Вторник

Я, миссис Норрис и Карл, вернувшийся с работы, после ужина сидели в комнате у хозяйки. Я погрузилась в себя. Мать с сыном о чем-то разговаривали, о чем именно – не помню, да и неважно. Обычно я любила наблюдать за ними, особенно зимой, когда заботливая миссис Норрис заставляла Карла одеваться теплее. А тот, как маленький ребенок, упирался и твердил, что не замерзнет. Но сколько раз повторялось одно и то же: Карл возвращался домой и говорил мне по секрету, что лучше бы он послушал маму.

– Завтра бал, – ни с того ни с сего сказала я. – В честь дня рождения очередного графа.

– Летом балов полно, – отозвался Карл.

– Да, – согласилась я. – Но завтра исполнится двадцать пять лет сыну лорда Норта. На одном из праздников его отца... познакомились мои родители.

– Я думал, это случилось на приеме у короля, – предположил Карл.

– Да, – ответила я. – Праздник проходил и проходит в одной из резиденций королевской семьи. Лорд Норт – соратник короля. Его сыну двадцать пять, а мне девятнадцать...

– Что ты хочешь этим сказать? – поинтересовалась миссис Норрис.

Тут я пришла в себя. Нарисовала на лице обычную улыбку.

ку.

– Ничего особенного. Просто из газет узнала про бал и поделилась.

Уже давно в моей голове бурлили мысли. Я пыталась оттолкнуть их от себя, но они все равно возвращались и заставляли душу страдать. Я считала слова матери «разум побеждает чувства» и своим девизом. Так и было: мой рассудок всегда брал верх в борьбе с эмоциями. Но сейчас они говорили во мне в один голос.

Миссис Норрис – наивный, очень доверчивый человек. Она не стала задавать лишних вопросов и просто поверила мне. А вот Карл... Карл озадачился, но не стал выводить меня на чистую воду при матери.

13 июля 1774 года. Пятница

Сегодня Пэт заметила, что я кого-то ей напоминаю. Дэвид и Карл над ней шутили, но больше для того, чтобы не произошло разоблачения. Как бы я ни относилась к мисс Уэйс, но в такие моменты, когда она демонстрировала интуицию, ум и настойчивость, я начинала ее уважать.

Пэт даже заставила меня задуматься: неужели я так похожа на отца? Это мучительный вопрос...

14 июля 1774 года. Суббота

Сегодня меня раздражало все. Из газет я узнала о рождении ребенка в семье баронов Вуд. Статья изобиловала похвалами, поздравлениями и комплиментами. Можно подумать, этот ребенок сделал героический поступок, просто родившись. Он ведь никто, несмышленный младенец, но уже сейчас ему пророчат большую политическую карьеру! А вдруг он станет алкоголиком или дураком и ничего не добьется в жизни? Я рвала и метала.

И не без причины! Я сижу в гостиной пусть уже родного, но старенького постоянного двора, который выкупила, чтобы английские семьи не лишились крыши! А этот Вуд-младший хоть как-то оправдал свой титул? О ком они пишут вообще, эти газетчики!

Я фыркнула, кинула газету на журнальный столик и сложила руки на груди.

– Нет! Я должна быть не здесь...

Меня никто не мог услышать в пустой комнате, так что я спокойно проговорила это вслух.

16 июля 1774 года. Понедельник

У Карла сегодня выходной. Весь день мы провели дома. В гости забрели друзья, ближе к вечеру они ушли, остался только Дэвид. Мы втроем пили чай с печеньем у меня в комнате и разговаривали.

Часов в одиннадцать к нам постучался Питер. Вошел, пожал руки Карлу и Дэвиду, окинул всех взглядом и остановился он на мне.

– Заседание при графине? – улыбаясь, спросил Питер.

– Да, – сказала я. – Как раз вас, мистер адвокат, не хватало.

– Ну, теперь я тут. Можем начать переговоры. – Питер сел на стул возле комода. – И начнем мы с того, что... налейте-ка мне чаю, Ваше сиятельство Брустер.

Все трое залились смехом. Я стояла с каменным лицом, сдерживаясь, и тоже решила пошутить:

– Вам со змеиным или крысиным ядом?

– О-о-о-о-о-о... – протянул Питер. – Какие тонкости! Пожалуй, с молоком.

– Летучей мыши? Сейчас сделаю.

Мы друг другу улыбнулись, и я отправилась за чашкой.

– Злая ты, Дамана, – сказал Питер мне вдогонку. – Твой папа был добрее.

Я принесла чашку, скорчила рожу Питеру и налила ему чаю.

– Тогда возьмите печенье и простите меня, – подыграла я Питу.

– Вот, теперь ты с ним одно лицо.

Питер взял печенье и чашку, сделал глоток. Я стояла у окна, опершись о подоконник. Питер, не сводя с меня глаз, улыбался.

– А где Салли? – не выдержал Карл.

Конечно, ему хотелось не столько выяснить, где Салли, сколько напомнить Питеру, что у графини, на которую он так восхищенно смотрит, есть... хозяин...

– Уже спит, – ответил Питер. – Вы, кстати, вдвоем можете сходить проверить...

Дэвид рассмеялся: теперь его веселили перепалки между Норрисом и Ричардсом. Карл разозлился:

– Ты сейчас сам отсюда выйдешь!

Отношения Питера и Карла не изменились. Откровенная неприязнь, злость и даже ненависть. Но из-за меня им приходилось терпеть друг друга.

– Карл, – сказал Питер. – Ты же знаешь, что я не променяю свою Салли даже на графиню. Несмотря на то что она так неподражаема и в чем-то лучше... Но она твоя. И я не завидую. Я рад за вас.

– Неужели?

– Да... Ты посмотри, сколько величия в Дамане! Я с ним не справлюсь... Изысканная, гордая и преданная... Истинная – Брустер! Настоящая женщина, многие мечтают о та-

кой.

Карл улыбнулся, соглашаясь.

– Довольно шуток! – вмешался Дэвид. – Нашей графине мешает голубая кровь. Недавно Пэт чуть не раскусила нас. Еще немного – и она сообразит, кого Элизабет ей напоминает.

– Не сообразит, – возразил Карл. – Мы не позволим. К тому же я не считаю, что Дамана так похожа на милорда Брустера... Да, безусловно, что-то есть, но не как две капли воды. Просто в Дамане столько грации, что она среди нас выделяется. Посмотрите, какие движения, жесты! Будто она всю жизнь провела во дворце.

– Просто в нашей графине столько голубой крови, – продолжил Питер. – Сами представьте... Весь род Брустеров стоит перед нами при свечах на фоне звездного неба. Дамане не с кем делиться этой кровью... Вот она и выливается через такие мелочи. И в исполнении Даманы они великолепны.

– Даже твое молчание, Дамана, – продолжил Дэвид. – И взгляд. Смотришь на нас, как на идиотов. Это нечто особенное. Никогда не сталкивался с таким взглядом...

– Не верю, – таинственно проговорила я.

– О, какой голос! – сказал Карл.

Они втроем засмеялись, а я улыбнулась и недовольно вскинула брови. Их хвалебные рассуждения я не хотела останавливать, хотя не была с ними полностью согласна.

– Да, – подхватил Дэвид. – У меня аж мурашки по коже

побежали.

– Хватит хихикать, – оборвала я их.

– Представьте, кого потеряло королевство, – сказал Питер ребятам.

– Да... – согласился Дэвид.

– А мне кажется, что королевство еще не потеряло меня.

Карл смотрел на меня, и я почувствовала себя вполне сильной, чтобы это сказать. Я нежно взглянула на Карла и отпила чаю. Норрис всматривался в меня очень серьезно и вдумчиво. Но он мне доверял, и поэтому его взор не был суров, он был расслаблен и спокоен.

– Хочется знать точно, что ты имеешь в виду? – спросил Питер.

– Все, что я хотела, я сказала.

Я толком не поставила точку. Конечно, понимаю: хуже нет, чем говорить загадками. Но дело не в том, что я собиралась их помучить: просто не хотела посвящать в свои планы. Пока...

17 июля 1774 года. Вторник

Сегодня во время уроков я задумалась, зачем родители платят мне. Чтобы дети получили знания? Или чтобы они могли продолжить дела родителей? Наверно, так. Это натолкнуло меня на новую идею. Я вспомнила о первом сне в общежитии. В нем меня почти короновали. Там были все люди, которые мне близки сейчас, и те, которые были близки... Возможно, стоит вернуть все на круги своя? Вернуть свое себе...

Последняя капля терпения испарилась. И первым должен был узнать об этом Карл.

Карл лежал в моей комнате на кровати с закрытыми глазами, но не спал. Я подошла к комоду и посмотрелась в зеркало. Теперь не только в душе я чувствовала желание – вся моя сущность наполнилась им. А в глазах плясали чертики.

– Я хочу вернуть себе титул.

В зеркале я увидела, что Карл открыл глаза. Он поднял голову и посмотрел на меня. Карл был спокоен, он принял это, как неизбежность:

– Продолжай.

Я повернулась к нему:

– Трудность в том, что я не знаю, как...

– А чего именно ты хочешь?

– Я уже сказала – вернуть титул. Но...

– Что?

– Не только титул... Авторитет моего деда и отца. Алмазные шахты. Хочу жить в фамильном доме, перезахоронить мать... Хочу творить сильные дела!

– Зачем?

– Карл, мое родовое сознание этого требует! Само графство мне дорого, но земля спокойно существует и в мое отсутствие. Однако, прежде всего, мне важно мое поместье, регалии, фамильные вещи! Я прожила не так много, а мой род – тысячелетия. Я последняя из рода... А никто даже не знает, что Брустеры еще остались. И неужели я позволю говорить об этой семье, моей семье, в прошедшем времени? Я не могу так просто забыть о своем долге! И жить здесь. Будто ничего не произошло!

Карл улыбнулся.

– А я все гадал, когда же ты об этом скажешь... Давно в тебе это кипело?

– Еще как.

Мне показалось странным спокойствие Карла.

– Ты в безвыходном положении. Есть желание, есть мечта, но, как воплотить ее в жизнь, не знаешь. И тебе, Дамана, очень тяжело... Так?

Я кивнула. Мне показалось, что он надо мной чуть ли не издевается.

– Подозрения и догадки, Дамана, гораздо хуже, чем истина. Ведь правда имеет пределы, а фантазия – нет...

– К чему ты клонишь?

– Я могу помочь.

– Наверное. Я пока еще не знаю...

– Нет, Дамана. Разве я задавал вопрос?

– Карл! – рассердилась я. – Я не в настроении разгадывать ребусы!

Норрис мило улыбнулся. От моей злости не осталось и следа. Появилось отчаянье. Я поймала себя на мысли, что нуждаюсь в помощи или хотя бы в полезном совете. Карл, видимо, уловил грусть в моих глазах.

– Иди ко мне, – сказал он нежно, протягивая руку. Посадил меня рядом с собой. Поправил мои волосы, нежно прикоснулся к щеке.

– Мы сделаем из тебя графиню, моя леди Брустер.

– Как? – улыбнулась я.

– Я все продумал. Дамана, ты копия отца. Тебя не узнать невозможно. Но люди, которые могут сделать это и выслушать доказательства твоей подлинности, вряд ли позволят к себе даже близко подойти. Согласись, королю и так хлопот хватает...

Я кивнула.

– Никто не будет слушать...

– Это все вода, Карл! Что дальше?

– Я твой должник, Дамана. А моя мама до сих пор верит в божью благодать... Но не догадывается, что Бог – это ты. У меня есть план – как сделать так, чтобы сам король мог

тебя выслушать.

– Что ты придумал? – воодушевленно поинтересовалась я.

– Нам нужна помощь людей, которыми ты пренебрегаешь.

Церковнослужителей...

– Зачем?

– Объясню. Я недавно проезжал мимо храма Рождества Пресвятой Девы Марии и вспомнил, что тебя там крестили... Так?

– Да...

– Аббатом, до сих пор, в ней все еще служит отец Флетчер.

Ведь именно он тебя крестил...

– Господи боже...

Как я сама не догадалась?!

Я радостно взвизгнула и набросилась на Карла с объятиями.

– Насколько мы знаем, им не привыкать слушать исповеди...

– Карл, я тебя люблю!

– Хоть завтра поедем к нему.

– Завтра? – я запнулась. – Карл, идея просто превосходна. И мы ее воплотим в жизнь. Но я не хочу ничего испортить, надо все продумать. Я думаю ближе к двадцатилетию заявить о себе. Меня серьезнее воспримут.

– Тебе исполнится двадцать в декабре... Через полгода.

– Пять месяцев, Карл. За это время мы все продумаем от и до. Шаг за шагом. Даже то, когда стоит дышать, а когда –

замереть. Вот первое: что мне ответить на вопрос, как я сбежала из приюта?

– «Малолетняя убийца»? Ходят слухи, что ты, Дамана, вообще мертва... Возможно, никто не знает о приюте. Как ты выжила? Очень просто: после смерти матери мы сразу же взяли тебя под опеку. А «малолетняя убийца»... Дамана, ты умеешь лгать, как виртуозная актриса. Это недоразумение, просто твоя тезка. Не так ли?..

Я улыбнулась и не ответила.

– Твоя мама согласится мне подыграть?

– Мы все ей расскажем перед тем, как поедем к священнику. Если потребуется ее личное подтверждение, мама все сделает, я думаю, с радостью.

– С ума сойти... – проговорила я.

– Что такое?

– Карл! Приятно, когда мечты сбываются. Но такое непонятное чувство в предвкушении этого события... Неужели все вправду сбудется... В то же время это не может не произойти, ведь мечта уже так близка...

4 ноября 1774 года. Суббота

– Ну что... Ты готова? – спросил Карл. Мы стояли на крыльце общежития и собирались в церковь.

Я кивнула. У Карла был выходной, и поэтому пришлось останавливать другого кебмена. Карл помог мне запрыгнуть в кабину, залез следом. Кеб тронулся. Я была непробиваемо серьезная, а Норрис – более спокоен.

– Что ответила мама? Ты ей все рассказал?

– Она была ошарашена, – улыбнулся Карл. – Спросила, почему мы не предупредили ее заранее. А в общем – сказала, что в маске, которую ты носишь, Дамана может задохнуться. Пора уже дышать.

Я наконец-то улыбнулась:

– Что ж... Я рада.

– Только все равно тебе надо было рассказать все вместе со мной. Сегодня вечером тебе от нее не сбежать. У мамы много вопросов к тебе...

– Обещаю, не сбегу. Ты рассказал ей весь план?

– Да. Но я предупредил, что он может измениться. Мама на нашей стороне, главное – держать ее в курсе дела.

– Будем.

Мы ехали до храма примерно полчаса. Я не боялась и ни минуты не колебалась, полная решимости. Несмотря на каменное лицо, я была в прекрасном настроении.

Этот день оказался знаковым. Ведь я ехала к своему будущему. Сделала первый шаг к своей мечте. И как передать ту радость, что первый шаг я делала с Карлом, – не знаю.

Кеб остановился. Карл подал мне руку и помог выйти. Я увидела знакомую церковь. Меня в ней крестили в пять лет, но я все прекрасно помнила. Очень тесный круг знакомых, никого лишнего: небольшая семья и значимые для нас люди. Этот храм был на особенном счету у монархии, духовенства и прочих аристократов. Конечно, сюда пускались все прихожане, но в этой церкви всегда крестили детей председателей Палаты Лордов. Венчались, исповедовалась и прочее – вся иерархия. И вот я вернулась. Приятно возвращаться в прошлое. Омрачала положение только... церковь. Я не верю в божественные явления, и вот, по иронии судьбы, иду за помощью к тому, кого ненавижу... Хотя – почему ненавижу? Я верю в Бога. Только вера моя несколько другая.

– Красиво, – искренне призналась я.

– Ну что... Пора.

Мы пошли по широкой, вымощенной камнем дороге. В святой обители мне в нос ударил запах воска. Народу было очень мало: человека три, в большом храме они терялись. У алтаря стоял священник, ходили редкие служки.

– И где тот, кто нам нужен? – спросил Карл.

– Не вижу... И честно сказать, не помню, как он выглядит... Надо спросить у кого-нибудь.

Мы приблизились к священнику у алтаря.

– Простите... – начала я тихо.

Тот обернулся. На удивление, он оказался красив и очень молод: около двадцати двух лет. В глазах – мудрость. И, как полагается служителю Бога, всем видом внушал спокойствие и блаженство.

– Здравствуйте.

– Добрый день, – ответили мы.

– Чем я могу Вам помочь?

– Я пришла исповедаться.

– Что ж, – сказал священник. – Мы можем пройти в исповедальню.

– Святой отец, – робко возразила я. – Не поймите неправильно, я не хотела ни в коем случае Вас обидеть, но понять меня сможет только отец Флетчер...

– Аббат Флетчер? – удивленно переспросил священник.

– Да. Могла бы я его увидеть?

– К сожалению...

Только не это! Надеюсь, он не умер!

– ...Сейчас отец Флетчер не в церкви. Он отъехал буквально пятнадцать минут назад.

– Очень жаль, – сказал Карл. – Мы можем его подождать?

– Я предполагаю, что мой отец еще не скоро придет...

– Ваш отец? – переспросила я, делая ударение на первые слово.

– Святой отец Флетчер, – ответил священник.

Мы с Карлом переглянулись. Хотя мой спутник не до кон-

да уловил то, что нутром поняла я. Смогла почувствовать, что молодой священник относится к Флетчеру как к наставнику. На это указывало и то, что он уклонился от выделенного мною слова. Для меня это было не просто совпадение... С этим парнем я в детстве учились верховой езде. Вспомнив его, я широко и ярко улыбнулась Флетчеру-младшему.

– Уэйн... – произнесла я непроизвольно.

Я нашла это имя – Уэйн – в глубоких уголках памяти. Памяти, в которой еще не было боли. Я хотела обнять Уэйна и сказать, что это я – Дамана! Неужели ты меня не узнал?! Ты же был моим лучшим другом, как и Стефан... Я не сводила с него радостных глаз. Уэйн смутился. Карл посмотрел на меня с удивлением: я не рассказывала ему о названном сыне отца Флетчера. Сказать по правде, я сама о нем забыла. Ведь в голове столько мыслей.

Уэйн внимательно посмотрел на меня:

– Мы знакомы? Откуда Вы знаете мое имя?

И как ответить? Чтобы не лгать и не раскрыть истину до нужного времени, я ответила правду, которая сейчас в моей душе:

– Вы тоже знаете меня. Уверяю Вас... Вы сделали мне приятный сюрприз. Я Вас тоже удивлю. Но не сейчас.

– Почему?

– Потому что так будет лучше. Простите меня за такое поведение. Я просто очень рада Вас увидеть.

Недоумение Уэйна сменилось приятной улыбкой. В его

глазах я увидела счастье, и мне стало тепло от того, что я подарила ему радость.

– Спасибо, – сказал Уэйн. – Так Вам нужен отец Флетчер?

– Да, – ответил Карл. Я же была в таком радостном восторге, что чуть не расплакалась.

– А мне Вы не доверите свои грехи? – спросил Уэйн.

– Почему же сразу грехи? – улыбаясь, спросила я. – Я сказала, что только отец Флетчер сможет меня понять.

– Мы можем застать его завтра? – поинтересовался Карл.

– Да, – ответил Уэйн. – Он завтра будет целый день. Я передам, что Вы заходили. Как Вас зовут?

– Удивит ли Вас то, что я его давняя знакомая?

– Да, – ответил Уэйн. – Как и то, что Вы знаете меня. Но Вы слишком молоды для его давней знакомой.

– Я тогда была совсем девочкой.

– Мы приедем завтра, – сообщил Карл. – Наверное, в это же время.

– Хорошо, – ответил Уэйн. – Будем Вас ждать.

Священник посмотрел на меня, будто вспоминая. Мне показалось, еще немного – и он меня узнает.

– Рада была Вас видеть... Уэйн.

– Мне кажется, аббат будет Вам рад, – ответил он. – Он рад каждому прихожанину, но старым знакомым – особенно. И я был рад Вас видеть.

– До свидания.

Мы с Карлом вышли из церкви. Уэйн провожал нас взгля-

дом до последнего момента, когда деревянная дверь церкви закрылась.

На улице я широко улыбнулась и посмотрела на Карла. Тот улыбнулся в ответ. Сев в кэб, выдохнул, повернулся ко мне и спросил:

– Ну, рассказывай, откуда ты его знаешь?

– С ума сойти, Карл! Отец Флетчер меня крестил, он мой крестный...

– Это я понял...

– Мой папа приходил к нему на исповедь, так они познакомились, а потом подружились.

– Вот оно что! Но как у священника, который на хорошем счету у папства и первых лиц королевства, может быть ребенок?

– Уэйн не его родной сын, а племянник. С мальчиком произошло горе. У отца Флетчера был брат. Он и его жена сгорели в собственном доме. Спасся только маленький Уэйн. Куда ему было идти, как не к дяде? Отец Флетчер приютил племянника и любил, как родного сына, которого у него никогда не будет. Уэйн всегда называл моего крестного папой, хотя на самом деле он его дядя. Многие, как и ты сейчас, путаются. Они часто гостили в нашей усадьбе. Мы с Уэйном вместе учились верховой езде.

– И вправду трагедия! Но твой крестный завтра будет в восторге!

Карл улыбался и сиял. Он искренне радовался за происхо-

дяде, за меня, как настоящий друг. Ему, безусловно, было интересно и лестно участвовать в возвращении моего долгожданного прошлого.

– Может, даже к лучшему, что мы не застали отца Флетчера, а встретили Уэйна, – сказала я. – Он подготовит крестного к завтрашнему, хотя бы немного. Он старше меня на... М-м... На два, что ли... Нет! Почти на три года. Я бы ни за что не узнала Уэйна, если бы он не сказал.

– Почему?

– Очень изменился. Не будь он священником – пользовался бы большим спросом у женщин...

– Да ты что? Как ты смеешь допускать такие мысли о святом человеке? Еще и при мне...

– Карл... – нежно выдохнула я, показывая, что не хотела его обижать.

Норрис это прекрасно понимал. Он обнял меня и поцеловал.

Уэйн на самом деле очень приятный. С детских лет я помню его как блондина. Сейчас его волосы стали рыжими, что Уэйна не портило. Да, не смогла бы я его узнать на улице: столько лет прошло.

Вернувшись домой, я, как и обещал Карл, нарвалась на шквал вопросов миссис Норрис. Не стала отпираться. Мне было приятно рассказать хозяйке о том, что сегодня произошло. Миссис Норрис очень умилила история об Уэйне. Я же считала минуты до завтрашнего дня, чтобы еще

раз увидеть его и поговорить с отцом Флетчером... Забавно, ведь и он мой отец, только крестный. А это значит, я нашла и брата... Боже! Как же хорошо!!!

5 ноября 1774 года. Воскресенье

Сегодня Карл работал. Он довез меня до церкви.

– Ты пойдешь со мной? – спросила я Карла по дороге.

– А ты не хочешь?

– Хочу! Но как же твоя работа?

– Ничего страшного. Мне на самом деле проводить тебя?

– Даже не знаю... Но я хочу, чтобы ты был со мной.

Мы приехали. Карл привязал лошадей к забору. Я ему, конечно, сказала, что так делать нельзя; он ответил с улыбкой, что сам знает.

Мы отправились в церковь. Близился вечер, и прихожан было немного. К нам подошел Уэйн, сказал, что сейчас позовет отца Флетчера, предложил присесть на первом ряду и ушел.

Я, немного подождав, пошла к исповедальне. К слову сказать, я исповедалась впервые. В маленькой темной комнате оказалось не так уж и плохо. Вполне уютно. К тому же я люблю дерево, а вся мебель внутри оказалась деревянная, очень красивая, резная, покрытая темным лаком.

Спустя некоторое время я услышала голоса. Прищурившись, посмотрела сквозь маленькие отверстия в двери, похожие на сетку, наружу. Увидела Карла. К нему подошли отец Флетчер и Уэйн. Карл встал поздороваться. Они поговорили. Потом Карл кивнул в сторону исповедальни. Святой отец

направился к ней, Карл же остался беседовать с Уэйном.

Когда отец Флетчер приблизился, я почувствовала, как холод пробежался по мне, от ног до горла. Этот холод я выдохнула, словно тяжелый ком, и мое сердце вновь забилося ровно. Священник вошел в соседнюю кабинку. Я не могла разглядеть его лица.

– Здравствуй, дочь моя. Как зовут тебя?

– Здравствуйте, святой отец. А что, если я хочу, чтобы Вы угадали мое имя?

– У нас нет на это времени, к сожалению. У Господа и так немало дел: множество грешников хотят покаяться...

– Я догадывалась, что время на меня он не оставил.

– Ты думаешь, что Бог оставил тебя?

– Нет. Но мне не в чем каяться, святой отец.

– Каждому из нас, детей Божьих, есть в чем покаяться...

– А в чем хотите покаяться Вы, святой отец?

Мой собеседник замялся. Я поняла, что перегнула палку.

– Простите, святой отец. Я пришла не просто так.

Но и не для раскаянья.

– Что же ты хотела, дочь моя? Я готов тебя выслушать.

– Вы говорите «дочь моя» и даже не представляете, что правы как никогда.

– Что это значит?

– Как Ваш указательный палец на правой руке?

Святой отец замолчал. Я заметила движение в его кабине.

Он посмотрел на палец, я уверена!

– Все хорошо, спасибо, – нервно ответил отец Флетчер.

– Больше, наверное, не болит?..

– Нет...

Я почувствовала, как он напрягся. Я наслаждалась ситуацией, а азарт хлестал в мою кровь:

– Это понятно. Столько времени прошло. И сейчас, спустя столько лет, я хотела бы попросить у Вас прощения за этот укус... – Я усмехнулась и закончила: – Но мне так не хотелось креститься.

Священник молчал и не двигался. Потом встал, вышел из исповедальни и распахнул дверь, за которой сидела я. Резкий свет ударил мне в лицо, немного ослепив. Слабые очертания крестного постепенно становились более четкими.

Как отец Флетчер постарел! Но черты лица остались такими же, какими были, когда он меня крестил. Приоткрыл рот от изумления. Можно было подумать, что он мне не рад, будто я принесла с собой чуму. Его застывшее лицо бледнело, он смотрел на меня и молчал.

Описывать долго, но на самом деле это произошло в секунды. Я медленно подняла лицо. Когда терпеть уже стало невозможно, когда ком в горле готов был превратиться в голос, я сказала:

– Вы прекрасно выглядите, крестный...

Надо было что-то сказать, вот я и сказала то, что первое пришло в голову.

Отец Флетчер молчал. Немного качнулся в сторону. Оче-

видно, ему стало плохо.

– Святой отец?..

Поняв, что он вот-вот упадет, я вскочила. Но не успела я протянуть руку, как Флетчер упал без сознания.

– Отец! – испугавшись, крикнул Уэйн.

Уэйн с Карлом побежали к нам. Я стояла на коленях перед крестным. Уэйн приподнял отца. Подтянулись зеваки.

– Воды, – попросил Уэйн. – Дайте воды!

– Что происходит? – спросил Карл.

– Я не знаю, – ответила я, встала и приняла стакан воды у какого-то служки. – Он так побледнел и...

Я отдала стакан Уэйну. Отец Флетчер открыл глаза: холодные капли попали ему на лицо. Его взгляд был необычайно озабочен. Он остановил свой потерянный взор на мне.

– Отец! С тобой все в порядке?

Флетчер не ответил. Он смотрел на меня с каменным лицом. Но наконец-то в его глазах начала зарождаться радость.

– Возьми, – Уэйн протянул стакан. – Выпей, тебе станет лучше.

Флетчер не слушал. Он лежал, приподняв голову. Не сводя взгляда с меня, проговорил:

– Дамана?..

Все замолчали. Святой отец аккуратно поднялся, опираясь о руки Уэйна. Встал и Карл. Уэйн был растерян, а Карл самодовольно улыбался, как бы говоря: «Действует!» Зевачки же вообще не понимали, что происходит. Я оглядела всех,

опустила лицо, потом посмотрела на крестного:

– Да, это я.

Флетчер шагнул ко мне, внимательно рассматривая мое лицо. Потом он по-отечески положил руку мне на скулы. Начал рассматривать меня так, будто хотел убедиться, не ранена ли я. Наверняка, дорогой читатель, ты можешь представить такую картину. Это было похоже на то, как родитель разглядывает ребенка, после того как тот упал. Руки Флетчера оказались на моих плечах, потом они соскользнули и остановились, нежно сжав мои кисти. Святой отец ничего не говорил, он просто смотрел на меня. И когда на его глазах возникли слезы радости, он бережно меня обнял. Я несколько смутилась. Но вспомнив, что это мой второй отец, положила ладони ему на спину. Святой отец сильнее прижал меня к себе. Держал в объятиях несколько секунд, потом отпустил. Его лицо было радостным, но несколько испуганным.

– Но как? – наконец выговорил Флетчер.

– Что – как? – я невинно улыбалась.

– Мы думали, что ты погибла.

– Многие так думали. – Я указала на Карла. – Этот молодой человек спас меня.

Аббат положил руки Карлу на плечи и голосом, которым владеют только служители Бога, сказал:

– Благодарю!

– Что Вы...

– Как зовут тебя?

– Карл Норрис.

– Спасибо тебе, Карл... Спасибо...

– Что здесь происходит? – не выдержал Уэйн.

Флетчер посмотрел на сына. Потом огляделся, увидел зевак и продолжил:

– Дети мои, следуйте за мной.

Он пошел к алтарю. Мы с Карлом с сомнением переглянулись. Я не желала приближаться к изображенным святым, а Карл знал, что мне это не по душе... Священник открыл дверь, вход в которую был разрешен только служителям церкви.

– Прошу вас, – сказал он, приглашая нас.

Мы с Карлом все еще сомневались, но тут вмешался Уэйн:

– Пойдемте.

Я была рассержена. Не хотела заходить внутрь, но пришлось. Несмотря на враждебность, я нашла в себе силы mildly улыбнуться святому отцу.

Проем был очень низким. Я наклонила голову, но все же ударила головой. Следом шел Карл, он в меня чуть не врезался. Положил руку мне на талию. Меня это немного успокоило. Но я по-прежнему нервничала. Внутри желание уйти усилилось. Комнату без окон, похожую на гостиную, освещали свечи, много свеч, расставленных повсюду. Я увидела стол, диван, кресла, буфет со столовыми предметами. Обычная комната – если бы не свечи и старые иконы. Одни реставрировались, другим просто не нашлось место в церкви.

Их было так же много, как и свеч. Святые, казалось, сурово смотрели на меня, будто выгоняли из святой обители. Я не боялась – мне было неуютно.

Пока мы с Карлом оглядывались, стоя у порога, Уэйн уже поставил чайник на огонь, а святой отец начал накрывать на стол.

– Ну что же вы стоите в дверях? – спросил священник у меня и Карла. – Проходите, присаживайтесь.

Мы опустились на диван. Коснулись друг друга бедрами, когда садились. Смешно, именно в этот момент я почувствовала огромное желание. Мы страстно переглянулись, но вспомнив, где мы находимся, Карл отвернулся от меня. Я продолжила смотреть по сторонам.

Уэйн шепотом спросил у отца Флетчера, кто мы такие. Тот улыбнулся:

– Это твоя сестра. Разве ты не узнал Даману Брустер?

Уэйн остолбенел. Но в обморок не упал. Глядел на нас с сомнением.

– Здравствуй, Уэйн. – Я встала с дивана и подошла к моему другу детства. – Столько лет прошло... Я бы тебя тоже ни за что не вспомнила, если бы ты не сказал, что ты названный сын отца Флетчера. Теперь я вижу твой образ, увы, стершийся из памяти за столько лет. По глазам вижу – ты не веришь мне. Как время ломает человека. Уэйн, это же я, Дамана! Неужели ты не помнишь наши уроки верховой езды? У нас в усадьбе... Твоего высокого белого коня звали Гло-

бал. А кличка моего, коричневого – Шоко. Когда мы с тобой ездили наперегонки и ты проигрывал, ты оправдывался, что у моего коня ноги длиннее... А я говорила – у твоего, он же был выше... Ты не можешь этого не помнить!

Уэйн смотрел мне в глаза. Но его взгляд был таков, будто ему было больно слышать мои слова.

– Я помню. Но... Ты будто воскресла из мертвых...

– Уэйн!.. – перебил его священник, но тот не замолчал:

– Говоришь, не узнала бы меня... Но в тебе все другое.

Даже взгляд! Он другой. Ты не похожа сама на себя...

– Как же так? – спросила я. – Неужели ничего не осталось?

Я невольно улыбнулась, вспомнив наши прогулки вдвоем.

Улыбнулся и Уэйн.

– Нет, – проговорил он. – Улыбка та же!

– Не похожа на себя, – восхищенно заметил крестный, – но зато как похожа на Джорджа! Пусть земля ему будет пухом...

Уэйн улыбнулся уголком губ. Казалось, если бы не его одеяние – он обнял бы меня. Хоть его улыбка была откровенной и полной радости, нежности, от его черных одежд веяло холодом неприкосновенности. Мне всегда казалось, что между нами было препятствие, как будто непонимание... Однако это никак не отражалось на нашей доверии.

– Сложно было представить, что наступит этот день...

Отец Флегчер позвал нас за стол. Мы с Карлом сели рядом.

– Расскажи, – спросил отец Флетчер, – как ты нашел нашу Даману?

– Я думаю, она расскажет все сама.

– Святой отец, – начала я. – Я могу рассказать, что со мной произошло и каков был мой путь. И я хочу это сделать. Но... Многое произошло без моего участия. Все думают, что я пропала без вести или умерла...

Повисло молчание.

– Видимо, сегодня рассказывать будешь не только ты, – проговорил Уэйн.

– У нас тоже есть поразительная история для тебя, – подтвердил мой крестный. – Но она тебя может напугать, поэтому начни первая.

Я сглотнула и начала:

– После смерти отца мы с мамой все продали и переехали. Поселились в квартире, здесь, в Лондоне. Влачили жалкое существование. Мама запрещала мне выходить на улицу. Сама пыталась работать. Но... Словом – она спилась... Видимо, с горя. Четырнадцатого октября мама умерла. Меня отправили в приют. Обращались со мной, как с рабом. Никому даже в голову не приходило, что я графиня. Хотя называли меня Даманой. Предпочитали шутить, что я всего лишь ее однофамилица. Вы, наверное, читали о малолетней убийце?

Мои слушатели кивнули.

– Так вот... Это я! Я сбежала из приюта...

– Ты убила человека? – перебил меня отец Флетчер.

Здесь я поняла: надо врать. И плевать на святыни в этой комнате. Я притворилась несправедливо обвиненной:

– Честное слово! Я никого не убивала... Это клевета! Решила сбежать, украла свои бумаги. Через забор перебраться не смогла, поэтому решила вырваться через центральные ворота. В сторожке нашла ключи, отворила ворота, закрыла их снаружи, чтобы огородить себя от погони. Я не знаю, что произошло там после. Видимо, побег оказался им на руку, чтобы хоть на кого-то свалить убийство...

– Вот оно что! Продолжай, – заинтересованно попросил священник.

Получилось!

– Я сбежала, оказалась на свободе. Мне было пятнадцать тогда. Выбросила ключи, шла вдоль дороги. Мимо проехал кеб. Так я и познакомилась с Карлом.

– Я кебмен, – пояснил Карл.

– Именно его я и остановила. Все это время я прожила в доме матери Карла. Я сначала скрывала правду. Представилась Элизабет Тейчер. Но нагрянула полиция. Они искали малолетнюю убийцу. Миссис Норрис и Карл, не зная о том, что я графиня, не выдали меня. Но тогда мне пришлось рассказать правду, – я благодарно посмотрела на Карла. – Все это время я жила под защитой семьи Норрис.

– Но почему Вы поверили незнакомке, что она дочь Брустера? – спросил Флетчер у Карла.

– Все указывало на то, – ответил Карл. – К тому же мы с Даманой позже поехали в квартиру...

– Где жили мы с мамой, – добавила я.

– И там были доказательства вполне убедительные. Портреты, личные вещи, семейные ценности.

Оба священника переглянулись. Похоже, я запутала их окончательно.

– Почему ты появилась только сейчас? – спросил Уэйн. – Почему не раньше?

– Потому что я готова!

– К чему?

– Ко всему, чего я так жажду. К правде, к тому, чтобы вернуть титул и, возможно, отомстить!

– Не горячись, дочь моя, – успокоил меня отец Флетчер. – Лучше ответь, что ты еще знаешь о матери?

– Больше ничего. А у Вас есть что мне рассказать?

– Всему свое время. А что ты знаешь об отце?

– Он умер от болезни. Так мне говорили в детстве.

– Нам нужно тебе кое-что показать, – проговорил отец Флетчер, встав из-за стола. – Пойдемте.

Мы с Карлом последовали за моим крестным, Уэйн шел за нами. Пройдя вдоль комнаты, мы попали в узкий коридор. Наружу вела стеклянная дверь с узорами из дерева, напоминающие те, что бывают на щитах у рыцарей. Миновав ее, мы вышли в место, объединяющее мир живых и мертвых: на кладбище, большое и ухоженное, окруженное низким за-

бором. Вокруг возвышались статуи и надгробия разных размеров и красот. Здесь хоронили выдающихся людей. В мрачном окружении я почувствовала себя уютнее, чем в святой обители.

Мы прошли через маленькую калитку и повернули направо. Немного спустя – налево. Мимо проплывали могилы баронов, графов и других богатых и известных в Англии людей. Я видела фамилии людей, о которых слышала, а некоторых знала лично. Около одной из могил я прочла вслух:

– Мистер Кук...

Уэйн, Карл и отец Флетчер остановились.

– Он часто бывал в Вашем доме, – констатировал Уэйн.

– Я не знала, – потрясенно промолвила я. – Сколько ему было?

– Пятьдесят семь.

– Он так прекрасно пел...

– Так было угодно Богу, – успокоил меня отец Флетчер, но я не утешилась. – Нам чуть дальше...

Мы дошли до конца кладбища. И я увидела...

Меня будто холодной водой окатили. Сердце забилося чаще, словно хотело выпрыгнуть из груди. Кровь ударила в голову так сильно, что в висках я услышала свой пульс. Он разогнал все мысли, мечты и чувства из моего ума, но взамен оставил лишь пустоты и гору черных камней, что тянули меня к дну черной воды самого глубокого океана.

...Я увидела статую изящной женщины. Моей матери.

Меня охватило желание упасть на колени перед ней. Ноги уже были готовы подкоситься, а на глазах образовались крупные тяжелые слезы. Я хотела упасть, но не смогла... Не позволила себе слабость. Набрав воздуха в легкие, вновь гордо выпрямилась.

Карл не сразу понял, что произошло. А когда прочитал имя захороненной женщины, положил руки мне на плечи, чтобы успокоить.

– Да, – проговорил крестный. – Это тяжело.

– Я не знала, где мама похоронена, – сказала я.

Вдруг я почувствовала, как руки Карла потяжелели и соскользнули с моих плеч. Он сделал несколько шагов к могиле справа от маминой. Надгробие скрывали ветви кустов. Карл присел на корточки, аккуратно отодвинул их и опешил:

– Что это значит?

Священники безмолвствовали. Уэйн опустил голову. Я почувствовала, что ему больно, будто сейчас придется оправдываться. Карл медленно встал и отошел в сторону от надгробия, на котором я прочитала: «Дамана Брустер. 1755—1765».

– Объясните! – потребовала я.

– Могила пуста, – начал отец Флетчер. – Мы это сделали по просьбе твоей мамы...

– Как церковь пошла на такое? – возмутился Карл.

– Ложь во спасение – правде равносильна.

– Но правда в том, что я жива! Как это понимать?

Святой отец молчал. Я не сводила с него злых глаз. Почувствовала ненависть к олицетворению Бога, моему крестному.

– Я знал, что не стоит пускаться на эту авантюру... И всяческим образом пытался отговорить твою мать... Может, мы побеседуем внутри?

– Нет, – отрезала я. – Чем плохо это место?

– Спустя несколько месяцев после смерти твоего отца ко мне пришла леди Брустер. Она была очень озабочена, во взгляде читался страх... Будто ее душа хотела вырваться из тела. Но Милли из последних сил хваталась за жизнь. На мои расспросы, что происходит, не отвечала. Судьба жестоко обошлась с твоей матерью, но она держалась. Она попросила меня об одолжении: если с ней что-то случится, спустя несколько недель нужно якобы похоронить... тебя. Я спросил: что может произойти? Ответа не получил. Милли нужно было обещание – и я не смог отказать. Она боялась, очень сильно...

– Чего? – спросила я.

– Смерти. И что ты, Дамана, умрешь следом. Попросив нас похоронить пустой гроб, мать спасла тебя.

– Отправив в приют? А не надежнее ли было отдать меня кому-то из друзей на попечительство...

– Видимо – нет.

Повисло молчание.

Я ничего не понимала, видимо, как и все остальные. Жаж-

да знаний разная у ребенка и у взрослого. Для взрослого обыденность бытия не так удивительна, как для детского мозга, напоминающего губку. Похоже, я до сих пор ребенок. Интересно, я вообще когда-нибудь вырасту?

– Что еще вы готовы мне рассказать? – с неким сарказмом спросила я священников.

– Твоя мама, – продолжал отец Флетчер, – выбрала приют как можно дальше от Лондона. В твоём свидетельстве о рождении изменила имена матери и отца. А тебе оставила великие фамилию и имя.

– Словом, подделала бумаги?

– Словом – да. Чтобы в твоей смерти не усомнились.

– А что по этому поводу думает его величество король? – спросила я. – Он сделал из моего дома музейный экспонат!

– Он очень скорбел, когда умер Джордж. Эгберт не знал, где искать тебя и твою мать.

– То есть мы обе пропали?

– Да.

– Кто вообще знал всю правду? – спросил Карл.

– Только мы, – ответил отец Флетчер и указал на себя и Уэйна. – После смерти Джорджа я встречал Милли только на похоронах и еще раза три после них. Тебя, Дамана, временами видел в приюте. Я приезжал туда к сиротам и смотрел издали. Многие дети говорили со мной, тянулись ко мне... Ты же оставалась верна себе и не обращала внимания на священников.

– Так это были Вы...

– Я же, – вмешался Уэйн, – после смерти твоего отца не видел тебя ни разу.

– Вы знали, где я нахожусь! Вы позволили, чтобы в приюте надо мной издевались!

– А что я мог сделать? – оправдывался отец Флетчер.

– Рассказать все гораздо раньше!

– Дамана, дорогая...

– Меня втаптывали в грязь, мне так не хватало помощи!

– Я был бессилен... Во-первых, твоя мама считала, что так будет лучше. Во-вторых, ты отталкивала всех, кто к тебе приближался даже с добрыми намерениями.

– Господи боже, – сказал Карл после небольшого молчания.

– Сейчас не время молиться, Карл, – съязвила я.

Отец Флетчер посмотрел на меня, будто я оскорбила его родного. Я поникла с обидой, словно обвиняя весь мир, и подошла ближе к своей могиле. Она может стать серьезной помехой к моему возвращению...

– Даже в детстве, – холодно заметил крестный, задетый моими словами, – ты не любила слов и деяний божьих. Я сказал твоим родителям, что ты не будешь веровать. Если не больше... Ты будешь отрицать католицизм и другие религии. И теперь я вижу, насколько оказался прав... дочь моя...

Я подняла голову. Голос крестного остудил мой пыл. Не нужна моя ирония здесь и сейчас. Стыдно. Я решила объ-

ясниться:

– Крестный... Простите! Но Вы должны понять мои чувства. Я мертва – и вроде не мертва. Больше жива, конечно. И не хочу, чтобы каждый падал в обморок или смотрел на меня, как на призрака. Я просто вне себя... А насчет Бога – я верю в него. Он есть. И после моей настоящей смерти я с радостью отправлюсь на его суд. И мне не так важно, куда он меня отправит, в рай или ад... Главное – посмотреть в глаза Бога! Вдруг ему станет стыдно...

У Уэйна округлились глаза. Карл, привыкший к моим фразочкам, просто улыбнулся. Отец Флетчер остался спокоен. Наверное, ему не впервой видеть человека, который разочаровался в божьих деяниях. Мои слова его не удивили.

– Одно не понимаю. Вы знали, что я жива. Тогда почему мое появление Вас так потрясло?

– Ты пропала из приюта, – объяснил Уэйн. – Мы потеряли возможность наблюдать за тобой. А позже нашли труп девушки по имени Дамана...

– Совпадение? – предположила я.

– Возможно, – отозвался крестный. – Но я видел тело. Рост, формы, длина волос, даже одежда – твои! Но лицо девушки обезобразили ожоги, поэтому я не мог опознать, ты это или нет. Потом и газеты замолчали о мисс Брустер... Молитвы не помогали, и мы с Уэйном потеряли надежду увидеть тебя вновь. Но Бог помог, и ты оказалась здесь!

– Меня сюда прислал не он, – сказала я, – а бесовская

сила...

– Что это значит? – Уэйн был озадачен.

– Бог – добродетель, а я наполнена не самыми благими намерениями.

Все замолчали. Меня мало интересовало их мнение. Где же мое место в этом мире? Что делать? Притворяться умершей или воскреснуть для всех, кто думает, что я мертва? Ответ для меня очевиден. Но как это сделать? Так же, как Иисус? Отодвинуть камень, выйти из тьмы, чтобы все признали меня?

Мы вернулись в комнату со свечами и иконами. Мои собеседники сидели по ее углам, я стояла в центре. Хотя стояла – это неверно сказано. Я металась из стороны в сторону.

– Давайте подведем итог. У меня умер отец, почему – неизвестно. Следом исчезает мать. Вопрос: зачем? Она чего-то боялась. С какой стати? Ведь она находилась под защитой короля! Шантаж?.. Скорее всего, человека, не менее влиятельного, чем сам король. Мама скрывается, стирая свое имя и мое. Умирает в позоре, якобы забирая на небо и меня... Но на самом деле я в приюте. Потом побег. Теперь я пришла сюда получить ответы на вопросы. Не скрою, я их получила. Но, как обычно со мной бывает, на их место пришли другие вопросы.

Все молча кивнули.

– Святой отец! Я в отчаянии... У меня ничего не осталось, я потеряла все. Я одна, у меня почти никого нет. А тех, кого

обрела, боюсь потерять. Это очень больно. Мне нужна Ваша помощь!

– Я помогу тебе, дочь моя. Но ты настолько зла... Боюсь, что после моей помощи ты, словно зверь, выпущенный из клетки, уничтожишь любого, кто встанет на твоём пути.

– Разве лучше, чтобы этот зверь умер в неволе?

– Я рассчитываю на твоё благоразумие, поэтому я помогу тебе во всем.

Мой крестный – хороший человек, но наивный. Я погрязла во лжи... По правде сказать, я уже путаюсь, кому что соврала. Смотря на любого собеседника, туго вспоминаю, в какую легенду обо мне он посвящен. Отец Флетчер верил в моё благоразумие – но я ему ничего не обещала... Этим я оправдываюсь перед ним до сих пор. А мнение многих других меня не очень беспокоит.

– Вы что-нибудь знаете про нашего дворецкого Джима Леджера? – спросила я. – Он жив?

– Да, – ответил крестный.

– Слава богу!

– Какое-то время я с ним переписывался. Он жил в Лондоне, мы искали тебя. Но через полгода он уехал, потерял надежду...

– Мистер Леджер?... – удивилась я. – Не может быть!

– Он сам мне писал об этом.

– Я не верю, что он так быстро нас похоронил... Полгода... Это случилось, когда исчезла мама?

– Именно. Джим переехал, и связи с ним оборвались. По слухам, он стал фермером, отшельником.

– И где он?

– Увы, не знаю. Четыре года мы не получали от Джима весточки.

– Но почему Вы думаете, что он жив? – спросил Карл.

– В церкви приходят списки умерших, я время от времени заглядываю в них.

– Нужно найти мистера Леджера, – подвела я итог. – Но вначале – найти мое имя. Тогда и наш дворецкий отыщет меня.

После встречи с отцом Флетчером и Уэйном Карл вернулся на работу, а я – в общежитие. Вечером ко мне в гости заглянул Питер. Я ему была рада.

Хотя в последнее время встречи с Питером вселяли в меня страх и смятение. Мы больше не бывали с ним близки, но я боялась, что Карл узнает... Кто поверит, что между мной и Питом ничего нет, если он заглядывает ко мне по вечерам? Решат, что я неспроста так мило общаюсь с сыном миссис Ричардс. Разлетятся слухи. А если Карл узнает о нас с Питом из третьих уст, ему наверняка наплетут много лишнего, чего и в помине нет.

Но... Дорогой читатель, вынуждена признаться... Ведь это дневник, а значит – почти исповедь. А исповедь – это правда, о которой никто не должен узнать.

Словом... Мне даже себе страшно признаться, но... Я ча-

сто допускаю мысль о близости с Питом! Дьявольская сила соблазна тянет меня к нему. Я очень люблю Карла, я искренна в чувствах к нему. Иначе я бы давно ему изменила. Но все это оправдания моих извращенных фантазий! Я сама в себе разочарована. Мне нравится Карл, мне нужен Карл, я хочу выйти за Карла, родить ему чудесных детишек, сделать его самым счастливым на свете. Ради его спокойствия я готова на все! Однако... Вот я думаю... А вдруг моя мать тоже смела допускать мысль о близости с другим мужчиной? А может, и нет... Наверняка нет. Это я. Я никчемное создание. Я грешница.

6 ноября 1774 года. Понедельник

Около часа дня я закончила занятия с учениками. В это же время проснулся Карл. Такой сонный, такой хороший. Он выглядел, как маленький мальчик, который прилежно учится. В ночь, когда я беседовала с Питером, Карл работал как проклятый на самой неблагоприятной работе. Несправедливо.

День не предвещал ничего интересного. Но – неожиданный поворот событий...

Мы с Карлом вернулись с прогулки. Если это, конечно, можно назвать прогулкой. В Лондоне мерзкая погода в ноябре: дождь и холодно. Меня никогда не прельщало прыгать по лужам. И если бы Карл не любил Лондон, я бы этот город ненавидела. Раньше я к нему сносно относилась, но с годами все больше понимала, что не переносу дождь.

Зайдя в дом, мы переглянулись. Было тихо, что-то изменилось.

– Мам! – крикнул Карл, но никто не появился.

Он помог мне снять пальто. Мы прошли дальше и заметили, что дверь в комнату миссис Норрис закрыта, оттуда раздавались голоса. Я невольно вспомнила наглое сборщика. Карл, видимо, подумал о том же: он резко, готовый защищать маму, открыл дверь. Мы увидели накрытый стол и миссис Норрис. Она подавала вилку моему крестному.

– Вот это сюрприз! – улыбнулась я.

Уэйн встал из-за стола, приветствуя нас с Карлом. Отец Флетчер остался сидеть. Он понимал свое социальное положение, что, однако, не мешало ему по-человечески относиться к людям, даже грешникам.

– Здравствуйте, – сказал отец Флетчер.

А я немного забылась и кокетливо подмигнула Флетчеру-младшему. Это наверняка выглядело немного вульгарно. Сначала Уэйн смутился, но потом ответил милой улыбкой. Мы сели за стол и присоединились к трапезе.

– Миссис Норрис, – начал мой крестный. – Вы добрая хозяйка! Спасибо Вам большое. Понятно, в кого пошел Ваш сын.

– Ну что Вы! – скромничала миссис Норрис. – Таких гостей иначе нельзя встречать.

– Дамана, миссис Норрис рассказала нам, как ты жила здесь. Я понял, что ты была тут счастлива.

– Надеюсь, что и буду, – я нежно посмотрела на Карла.

– Конечно, – подтвердила миссис Норрис. – Этот дом хранит Господь. Бог бережет его от напастей. Только чудо могло спасти нас от выселения!

– О каком чуде Вы говорите? – спросил Уэйн.

– Нас хотели выселить, мы не могли выплатить аренду. Но теперь это не проблема! Наши долги утеряли, поэтому нам их простили, еще нам отдали землю, на которой стоит дом. Ну разве это не божественная благодать?!

Миссис Норрис рассказывала о «чуде» с таким востор-

гом, что только такой же набожный человек, как она, поверил бы хозяйке. После миссис Норрис что-то понесла на кухню и оставила нас.

Крестный отец и Уэйн посмотрели на меня. Служители Бога все прекрасно понимали и взглядом просили подтверждения своим догадкам.

– Бог наш – милосерден, – сказала я, не скрывая иронии. – Не так ли?

Отец Флетчер кивнул:

– Так написано в Библии. У нас нет причин сомневаться...

И то, что ты сделала, только убеждает в этом.

– Что? – возмущенно и удивившись, спросила я.

– Бог прислал тебя в эту семью, и ты, Дамана, помогла ей.

Бог – милосерден, а Иисус – наш спаситель.

Крестный хитро и довольно улыбался, что выглядело странным для священнослужителя. Я заразилась азартом спора:

– Однако это решение зависело от человека, а не от Бога.

– Только глупец ждет руки Господа в прямом смысле слова. Бог никогда не действует сам, он помогает через кого-то. И сейчас он выбрал тебя.

– Не понимаю, почему он помогает не всем? Милосердный Бог оставил ребенка на произвол судьбы...

Крестный отец уже не пугался моих слов:

– Когда я тебя крестил, что-то подсказывало мне, что ты все равно не уверуешь. И сейчас ты поступаешь, как ребен-

нок, который способен только издали грозить взрослому. То есть религии.

– Зато я осталась в памяти.

Я, готовая праздновать победу, увидела улыбку отца Флетчера. Необычную улыбку. В ней столько хитрости и самоуверенности.

– Осталась. Но священный ритуал не изменила.

– Я верю в Бога! – перебила я его, почти возмущившись.

– Но не так, как следует. У тебя есть причины более не доверять Богу, разочаровываться в нем. Но ты ведь счастлива здесь, не так ли?

– Да! Но, возможно, мне дьявольски не повезло...

На этой фразе наша беседа прервалась: вернулась миссис Норрис. И хорошо, а то я сама начала чувствовать, что бьюсь, как карась на берегу. Хотя, конечно же, ни за что не призналась бы... Крестный отец не посмотрел на хозяйку, он смотрел на меня, словно пытаюсь что-то разглядеть в моей душе.

Ближе к вечеру мы провожали крестного и Уэйна. У дома их ждала карета. Попрощавшись, миссис Норрис и Карл поднялись к входной двери, а я увидела, как отец Флетчер движением руки подзывает меня. Я быстро подошла. Крестный положил мне руку на затылок, потянул мою голову к себе, нежно коснулся губами лба и прошептал:

– Тебе больно, Дамана, я знаю... Но не пускай дьявола в свое сердце, гони его! Он борется с тобой, не позволяй ему победить – ты ведь сильная, по-другому не может быть! Я

и Уэйн поможем тебе, это будет лучшим подтверждением того, что Бог не покинул тебя...

Вне времени

После этого вечера я стала часто заезжать к крестному. С каждой встречей он становился мне все более близким и родным человеком. Наверное, я словно искала себе родителей вне семьи, которой не осталось: ни близких родственников, ни дальних. Миссис Норрис стала для меня мамой, отец Флетчер – отцом, а Уэйн – братом. А в Карле я увидела прекрасного мужа.

Первого декабря отец Флетчер пригласил меня на встречу в церкви. Я приехала в строго назначенное время, в полпятого была у могилы мамы.

Святой отец уже стоял там, когда я подходила с цветами. Я положила букет в ноги статуе, перекрестилась и поздоровалась с мамой. Потом глянула на крестного. Он смотрел на церковь, что утопала в сумраке. С гордостью, словно на дочь, что вырастила умного внука.

Спорить я люблю, но никогда не пойду поперек очевидному. Церковь в это время завораживала: красивая и такая умиротворяющая. Она всегда – словно отражение жизни. Если грозят козни или грядет война, церковь, словно человек, сломится. Боль утраты близкого человека угнетает, а церковь скорбит обо всех погибших... Ни у одного заведения нет такой души, как та, что живет в церквях. Дома, трактиры, постоянные дворы перенимают облик владельца. А в церквях

живут души всех живых и погибших людей. Здесь человек находит спокойствие. Значит, хороших людей на свете больше... Так должно быть.

Все, что я написала, – правда, я это чувствую. Но не могу принять церковь как нечто заветное. Мне, несмотря на ее красоту, легче отвернуться, чем переступить ее порог...

1 декабря 1774 года. Пятница

– Красиво, правда? – спросил меня крестный отец.

– И Вам здравствуйте, – пошутила я.

– Здравствуй, дочь...

Отец Флетчер улыбнулся, быстро посмотрел мне в глаза и перевел взгляд на статую моей матери.

– А то, что это красиво, ты не будешь отрицать?

Святой отец тоже шутил, и было приятно от ненавязчивой обстановки.

– Я и не спорила, что церковь красива. А моя мама вообще под сомнение не ставится!

– Никогда эта могила не была так украшена... Ты ее усыпала цветами...

– Мама заслужила это. И если любишь человека, его можно сделать счастливым, а если человек счастлив, то он сияет изнутри. Со статуей это сложно сделать, но я стараюсь...

– Милли это ценит, я знаю. Как и то, что она любила тебя и оберегала. Но сейчас она в лучшем мире с мужем.

– Осталось мне к ним присоединиться.

Неудачная шутка вышла. Отец Флетчер вскинул брови.

– Дамана... Ты выросла доброй и отзывчивой. Переняла это от родителей. Но ты такова только с некоторыми людьми... Мне страшно за тех, кто переходят, перейдут или переходили тебе дорогу. С ними ты беспощадна и мститель-

на. Из-за вспыльчивого характера ты можешь наделать глупостей и пострадать... Поэтому я часто задумываюсь, а стоит ли тебе помогать? Ведь если у тебя получится вернуть себе звание – ты обретешь власть, и твои силы возрастут.

Я внимательно слушала крестного и гадала, к чему он клонит. Отец Флетчер задумчиво замолчал, потом посмотрел на меня и продолжил:

– Но ты должна идти туда, куда ведет тебя Бог. Я в смятении, не знаю, что случится дальше, но ты достойна, ты обязана... Тебя готовил к этому отец. Очевидно, ты очень похожа на него, и внешне, и внутренне. Я обещал ему, крестив тебя, я обещал тебе...

– Что Вы задумали?

Крестный отец выдохнул, положил руки мне на плечи, еле касаясь их:

– Глаза у тебя умные, чистые, жаждущие знания. Но лукавые и порой злые...

– А стоит ли придавать такое значение глазам?

– Они все могут сказать. Иногда – больше и убедительнее, нежели самый талантливый оратор. Тебя крестил аббат храма Рождества Пресвятой Девы Марии, хороший друг твоих родителей, знающий о них все... В тебе меня что-то пугает и настораживает. Возможно, я возьму грех на душу, но не сдержат обещание – еще больший грех. Пятого декабря тебе исполнится двадцать лет. Ты совсем взрослая, Дамана. Пора.

– Я слушаю.

– Седьмого декабря будет дан бал в честь бракосочетания лорда Норта-младшего и его нынешней жены. Мой друг отец Батлер венчал их. Великолепное торжество. Туда приглашен и я. Я могу привести с собой двоих спутников. Это будешь ты и Карл...

– Зачем?

– Это даст тебе возможность встретиться с людьми, которых ты знаешь и которые знают тебя... Там будет король и его сын... Я дам тебе единственную попытку проявить себя. Ухватись за нее, как за последнюю. И если так предначертано судьбой, то у тебя все получится. Если нет – так тому и быть.

Я так долго ждала этого момента, думала, что новость меня не напугает. Но я ошибалась... Слова отца Флетчера бросили меня в дрожь. Мне стало страшно. Но спасовать? Нет, ни за что! Я боялась, но жаждала поставить все точки над «и». Ах, какое волшебное волнение, самое замечательное чувство, когда долгожданная мечта вот-вот исполнится! И главное – я уверена в себе и в своем намерении.

Я, преисполненная благодарности, смотрела на крестного. И действительно, как говорил Карл, я приму помощь от служителя Бога.

– Спасибо Вам, крестный! Я не упущу этой возможности и не подведу родителей! Но один вопрос... Где мне найти подходящую одежду?

– Я предполагал...

– У меня нет денег.

– Знаю, – улыбнулся святой отец. – Я найду тебе платье и костюм Карлу.

– Хотя нет... Простите, что перебила. Насчет одежды я могу кое-что придумать. У меня есть старые мамины платья, их можно немного подшить, украсить. Они сгодятся для бала. А вот Карл... Если у Вас есть возможность, найдите ему костюм...

– Это должно тебя беспокоить меньше всего. Лучше подумай, как и что ты будешь делать на этом балу. И не мало важно другое. Я прежде у тебя не спрашивал. Но знакомы ли ты с этикетом, с правилами обращения к титулованным особам? Про манеры ты знаешь? А как быть в Карлом?

– Иерархию и обращение к ним, я знаю. Карла научить будет не сложно. Но тонкостям этикета и правилам наследования меня никто не успел научить. К сожалению...

– Не страшно. У нас есть время научиться основным правилам.

Крестный поцеловал меня в лоб, немного приобнял и удалился в сторону храма. Я недолго стояла между церковью и статуей матери. Меня нагнали странные ощущения. Был страх перед будущим. Мне было стыдно за вранье перед аббатом. Я хотела, чтобы все сложилось иначе и мне не пришлось им пользоваться, но я скована своими целями.

3 декабря 1774 года. Воскресенье

Я не пошла в церковь. Это уже никого не удивляло, но сейчас у меня действительно были неотложные дела. Платье...

Несмотря на годы, оно не потеряло форму, а ткань осталось свежей, сочных цветов. Светло-сиреневая, с мягким серебристым отливом. В мамином гардеробе это платье занимало почетное место, наверное, поэтому хранилось так долго. Значимая вещь. Надеюсь, оно принесет мне удачу.

Я задумала перешить его сама. Смело. Конечно, умения Эммы мне сейчас очень быгодились, она очень талантливая швея, но, к сожалению... Я не смогла бы ей объяснить, откуда у меня такое платье. Красивое платье прекрасно подчеркнуло бы мой статус. А в искусных руках Эммы оно могло стать уникальным, современным, очень красивым! Я знаю, о чем говорю, ведь видела ее работы. Платье немного старомодное, это меня огорчало. Нужно сделать его более пышным. Добавить детали. Несколько слоев ткани под подол, бретельки, спадающие с плеч, к некоторым стрелкам пришить ажурную ткань. Вроде бы несложно. Но я оказалась безрукой аристократкой...

Началось все с того, что я купила нитки для вышивания, а не для шитья. Вернулась в салон и поменяла их на нужные. Потом я попыталась вдеть нитку в ушко иголки, но раз за разом попадала себе в палец. Удивительно, ведь у меня

орлиное зрение и уверенные руки!

Ура! Наконец-то я попала нитью в ушко. Но тут же сделала неловкое движение – и вытащила нить обратно. Какой стыд.

Очередная попытка – нить в иголке. Соединив два куска ткани нитью, я подумала: победа за мной. Потянула иглу вверх. Странно, почему нить так долго тянется? Опять задача: нитка выскочила из иголки... Что за черт! Но нет, я не сдамся.

Пока я шила, отчаяние и упадок перемежались с надеждой и воодушевлением. Но отчаяния было куда больше, чем уверенности, что я решу эту задачу. Вскоре я исколола себе руки, пальцы ныли от боли.

Около шести ко мне зашла миссис Норрис. Она вернулась со службы, приготовила ужин и поднялась, потому что я опаздывала и вообще не появлялась целый день. Хозяйка застала меня в самом неприглядном свете. Миссис Норрис смотрела на меня из коридора, я смотрела на нее чуть ли не со слезами на глазах. Хозяйка сдерживала улыбку: видимо, я казалась настолько жалкой посреди ниток, тканей, иглолок, булавок...

– Я пришила домашнее платье к бальному... – проскулила я и чуть не расплакалась от унижения. – И теперь не знаю, как распутать...

Меня совсем не утешало, что немногие хозяйки могут сравниться с миссис Норрис. А я не имею никаких шансов

в подобном споре.

– Возможно, шитье – не твоя сильная сторона, – сообщила миссис Норрис, подходя ко мне. – Но без самых простых знаний, – она говорила и разрезала ножницами шов между моим платьем и платьем мамы, – даже заплатку не пришьешь...

Домохозяйка освободила меня. В ее взгляде опять появилось что-то материнское. И нежность. Она не насмехалась, не показывала превосходство, а от чистого сердца предложила помощь. Но при условии, что платьем мы займемся после ужина.

А шитье оказалось не таким сложным, когда мне разжевали некоторые хитрости и пояснили, как и что делается. Я быстро учусь...

7 декабря 1774 года. Четверг

Неделя до бала. Неделя с первого до седьмого декабря тянулась, как столетие. Но наконец я дождалась. Бал – сегодня...

Когда отец Флетчер рассказал мне свой план, я передала его Карлу. На следующий день мы поделились и с миссис Норрис. Все были рады, нервничали, но жаждали вечера седьмого декабря.

В глазах Карла я увидела панику, когда сказала, что он будет меня сопровождать. Словно бы я сделала ему предложение. Но ответственности в этой ситуации больше. Карлу нужно быть рядом со мной. Когда он рядом, я чувствую себя уверенней... Так странно: ведь он нервничает не меньше меня. Но Карл неплохо притворялся, будто все в порядке. Только я видела правду.

С каждым днем, что я принадлежу Карлу, я все сильнее понимаю, что люблю этого человека. И прекрасно знаю, что, если бы он так сильно не любил и не боялся меня потерять, я не смогла бы его ценить и быть рядом. Его любовь и поступки подпитывают мое чувство. Карл просто прекрасен. Столько времени прошло, столько всего случилось... И если сейчас меня спросят: «Как выглядит идеальный мужчина?», я без доли раздумий и сомнений представлю Карла и с восторженным счастьем произнесу его имя.

Вечер опустился на Лондон и привел в мою душу тревогу и страх, сковал ее тисками. Я двигалась, будто во сне, почти не понимая, что делаю. Соседи не знали о бале, а на их вопросы мы уклончиво отвечали:

– Может быть, когда-нибудь потом расскажем...

Миссис Норрис помогала мне надеть платье, украшения и сделать прическу. Я вышла из ее квартирки в бальном наряде, сшитом моими многострадальными руками. На первом этаже меня ждали миссис Норрис, отец Флетчер и Карл. Первым делом я обратила внимание на своего кавалера. Он, одетый в хороший костюм, был безумно красив и статен. Так величественно может выглядеть только дворянин... Кровь Карла не была благородной. Однако его осанка и манеры могли убедить любого в обратном.

Да! Это большая честь, что Карл будет сопровождать меня. У него нет родословной, но есть все, чтобы быть достойным меня, равным мне, а может, даже и выше по статусу. Но как убедить в этом самого Карла?..

Пока я оценивала своего спутника, остальные смотрели на меня. В глазах отца Флетчера читалось восхищение. Крестный в праздничном одеянии выглядел так же светло, как всегда.

– Я жду, когда ты предстанешь перед королем, – проговорил отец Флетчер. – Он будет невероятно счастлив и горд за прекрасную дочь своего друга Джорджа Брустера... Тебе не хватает только одной детали.

Крестный протянул мне веер, прекрасно подходящий под цвет платья. Я была тронута подарком. Не зная, как отблагодарить отца Флетчера, я мило улыбнулась и склонилась в глубоком реверансе. Потом я посмотрела на Карла. Он встал справа от меня, и я аккуратно взяла его под руку.

– Что ж, – сказал крестный. – Пора отправляться.

– Да, – подтвердила миссис Норрис, – пока Вас никто не увидел. А то скоро все начнут возвращаться с работы...

Хозяйка оторвала меня от Карла, повернула к себе и проговорила:

– Дамана... Удачи! Я очень хочу, чтобы у тебя все получилось! Ты заслужила.

– Спасибо, миссис Норрис. – Я поцеловала ее в щеку.

– Идите, с богом.

В карете мы с Карлом сидели рядом, крестный – напротив. Сердце мое трепетало, не хватало воздуха. И дело было не только в тугом корсете... Но сила воли делало свое дело, и я не подавала виду, что нервничаю.

– Кажется, будто тебе совсем не страшно, Дамана, – сказал отец Флетчер после долгого молчания. – Любой уже давно показал бы беспокойство.

– Как говорится, если ты никого не боишься, значит, ты самый страшный. Я боюсь, крестный... Очень. Просто это не повод останавливаться.

– Тогда успокой меня и скажи: что ты будешь делать?

– К сожалению, никакого плана нет, – улыбаясь, сказала

я. – Но я наверняка что-нибудь придумаю на месте.

– Дай бог...

Нет, крестный. Не Бог дает мне силы...

Отец Флетчер продолжил смотреть в окно, напряженно о чем-то думая. Я погладила Карла по руке, привлекая к себе внимание. Он наконец посмотрел на меня, оторвав окаменевший взгляд от стенки кареты. Я прошептала: «Спасибо». Карл серьезно и нежно ответил:

– Ты великолепна, Дамана... Дамана... Для меня будет сплошным удовольствием в скором времени изо дня в день называть тебя этим именем...

Карл поцеловал мне руку. Отец Флетчер смотрел на нас и улыбался. Наверное, ему было приятно видеть, как его крестница счастлива. И видеть, в кого она влюблена...

Дорогой читатель, я подвела тебя к самому волнующему моменту в жизни. Наша карета остановилась у центрального входа в замок лорда Норта. Мы специально опоздали на праздник и приехали одними из последних. Напряжение мое выросло до того, что я чуть ли не теряла сознание, лихорадочно обмахиваясь веером. Меня кидало в жар, в глазах темнело, я не чувствовала ног, рук...

Замок был великолепен. В каждом окне стояло по подсвечнику с тремя свечами. Отдых почетных гостей лорда Норта охраняли солдаты. У центрального входа два дворцовых встречали и провожали аристократов.

– Столько людей, – сказал мой крестный. – Но именно мы

с тобой, Карл, привели поистине почетного и самого желанного гостя. Разве это не чудесно?

— Да, кто бы мог подумать, что со мной подобное произойдет...

Карл тревожно выдохнул. Кто-то из прислуги открыл дверь кареты. Отец Флетчер посмотрел на меня и первым вышел наружу. Он был в привычной стихии. Конечно же, удивительно такое слышать о священнике. Но порой приходится подстраиваться под общество, чтобы добиться внимания. К тому же отец Флетчер был более свободолюбивым, нежели другие священники, в том числе и Уэйн. Мой крестный однажды сделал выбор в пользу церкви. Его же названный сын не знал другой жизни. И могу с уверенностью сказать, что Уэйн ни о чем не жалеет, а наоборот, благодарен отцу Флетчеру.

Дворецкий почтительно приветствовал моего крестного и Карла. Карл обернулся и посмотрел на меня: я все еще сидела в карете.

Моя очередь. Я встала. Мне далось это с большим трудом: дрожь в коленях мне не получалось унять. Карл протянул мне руку, и я аккуратно спустилась на дорожку, вымощенную камнем, гордо выпрямилась и высоко подняла голову.

И тут пришло интересное ощущение... Словно ко мне что-то вернулось, в меня что-то вселилось. Выпрямившись, я почувствовала уверенность. Взглядом поблагодарила Карла и повернулась к дворецкому. Тот глазел на меня, как

на картину Франсуа Буше.

– Добрый вечер, леди.

– Добрый вечер.

Мы поднимались по ступенькам к центральным дверям, когда Карл спросил у отца Флетчера:

– Выход удался?

– Весьма. У тебя отличные манеры.

– Отец научил. Меня всегда привлекали эти ритуалы.

У дверей нас встретил второй дворецкий:

– Аббат Флетчер, рады видеть. Лорд уже спрашивал о Вас.

– К сожалению, мы опоздали.

– Ничего страшного. Могу я узнать, кто Ваши спутники?

– Да, конечно. Это моя крестница и ее жених.

– Не знал, что у Вас есть крестница... Прошу, проходите.

Мы попали во дворец. Сколько тут гостей! Но в таком большом доме места всем хватало с лихвой. В большом балльном зале в танце кружили пары, стоял стол с закусками, слуги предлагали гостям напитки. Подошли и к нам. Я выбрала белое вино, Карл и отец Флетчер – красное. Оглядываясь по сторонам, мы с Карлом не могли налюбоваться красотой здания. Большой оранжевый зал был оформлен в классическом стиле: на потолке – фрески со святыми и ангелочками, большие хрустальные люстры. И повсюду – роскошь в деталях.

Ощущение у меня были смутные, я словно бы спала... Все это так знакомо – золото, роскошь, элита, великолепная му-

зыка, – но в то же время позабыто. Карл держался строго и спокойно, но был впечатлен. Он давно мечтал увидеть бал своими глазами, а не представлять их по моим рассказам.

Гости пребывали в прекрасном настроении. Мне с каждой минутой становилось все более приятно здесь находиться. Я почувствовала себя на своем месте. Это и есть мое место: в шике, в изысканности, в окружении джентльменов и леди.

– Надеюсь, я не проигрываю здешним дамочкам? – спросила я у Карла и у крестного.

– Дамана, – ответил отец Флетчер, – довольствуйся тем, что есть.

– Что Вы! Я вовсе не жалуясь!

– Хорошо... Ладно, ступайте, осматривайтесь. И действуй, дочь моя. Но без глупостей. Я за тебя беспокоюсь!

– Спасибо.

Крестный отошел от нас с Карлом.

– Ты не просто не проигрываешь... – прошептал Карл. – Ты ослепительна! Я смотрю на тебя и поэтому так счастлив... Согласитесь ли Вы, графиня Дамана Брустер, потанцевать со мной?

Карл отвесил поклон, протягивая мне руку.

– Для меня будет честью подарить Вам первый танец...

Я положила руку на его руку, и мы отправились в центр зала.

– Пусть я еще не окончательно признана графиней, но это неважно. Ведь сегодня все изменится!

Мы танцевали. Смотрели друг другу в глаза. Мы вместе уже четыре года, и мне так приятна мысль, что романтика, любовь и трепетное отношение друг к другу не ушло: оно сопровождало нас до сих пор.

Почему-то именно сейчас, когда мы танцевали в большом бальном зале в окружении богатых и знатных вельмож и их дам, я стала обдумывать и вспоминать наши с Карлом отношения. Мне так хорошо! Карл рядом, я танцую с ним, он так трепетно ко мне относится. А как приятно от мысли, что Карл счастлив быть со мной...

– Хорошо, что Кейт научила нас танцам, – сказала я.

– Да, но я все равно себя нелепо чувствую...

– Почему? Ты же мечтал побывать на балу.

– Наверное, именно поэтому...

– Странно, – смутилась я, оглядевшись. – Тут столько народу, а смотрят почему-то именно на нас...

– Дамана, это очевидно. Здесь все знакомы. Можно спросить у любого: а кто это? И тебе ответят. А нас никто не знает, кроме отца Флетчера. Так что не обращай внимания.

– Карл... Мы с тобой уже столько времени вместе, я хочу спросить тебя...

– О чем? Что-то не так?

– Нет, все прекрасно, возможно, мой вопрос неуместен...

Но раз сегодня день откровений, то я хотела бы узнать...

Карл остановился, он занервничал. Взял меня за руки и, вглядываясь мне в глаза, спросил:

– Дамана, ты меня пугаешь... Что произошло?

– Нет, Карл, не волнуйся! Мы сломали строй танца... Давай продолжим.

Мы продолжили двигаться. Карл напрягся.

– Почему ты так со мной поступил, когда Салли вернулась в общежитие?

Карл глубоко выдохнул.

– Да, я знаю, – продолжила я, дабы пояснить, зачем затронула неприятную тему, – мы с тобой это обсуждали, но всего один раз, да и то на эмоциях... Много времени прошло, и я хочу услышать правду. Она никак не повлияет на наши отношения. Просто я хочу знать, за что мой любимый так со мной обошелся?

– Я был счастлив и удивлен, что ты больше меня об этом не спрашиваешь. Почему счастлив? Мне стыдно признаваться в истине... Я ненавижу себя за это до сих пор, ненавижу!

– Расскажи, Карл...

– Я испугался тебя, Дамана, когда ко мне пришла любовь! Еще до приезда Салли я стал задумываться, что нам надо расстаться...

– Расстаться? Почему? – я неподдельно удивилась.

– Появление Салли мне сыграло на руку, я был ей рад – это правда. И не только потому, что я не мог тебя бросить. Не мог набраться мужества сказать: между нами все конечно. Не мог и не хотел! Но мне казалось, что это необходимо. Я думал, если ты увидишь, как я нежен с Салли, то сама

скажешь: прощай! Даже соврал, что мы были близки... Соврал. Я не изменял тебе. Я просто хотел с тобой расстаться, но твоими руками. Я омерзителен и недостоин стоять рядом с такой женщиной, как ты.

– Однако стоишь – и я счастлива! Но, Карл... Почему ты хотел меня бросить? Все было хорошо. И ты вроде любил меня...

– Не вроде – любил! Любил всегда, люблю до сих пор! Как я счастлив, что буду любить тебя всю жизнь! Я ненавидел себя, но мне казалось, что так будет правильно и лучше для тебя...

– Ты не ответил на вопрос. Так почему?

– Потому что ты графиня... И вот это, – Карл оглядел бальный зал, – это твое, не мое. Я действительно во власти предрассудков. У меня до сих пор в голове слова Питера: как ты с ней справишься? Я думал, что, порвав с тобой, я лишу терзаний и тебя. Если ты вернешь титул, мы не сможем быть вместе. Не сможем сыграть свадьбу. Тебе как никому это известно... Но когда мы все-таки расстались, я понял, что натворил! Я не мог тебя отпустить, не мог жить так! Поэтому часто приходил к тебе... Якобы защищал Салли, но мне было плевать на нее с самого начала. Я слишком поздно понял, что не по тому пути пошел... А сейчас я на верном пути!

– На каком?

– На том, что говорит мне: если я отступил, то я точно недостоин леди Брустер. А если я буду сражаться за нее –

то хотя бы совесть позволит мне любить эту девушку и быть рядом с ней! А когда возникнет вопрос о неравном статусе, вот тогда я его и постараюсь решить. Вот она, вся правда.

– Карл... – вздохнула я. – Я счастлива, что судьба меня свела с тобой! Это должно было случиться. Я очень люблю тебя!

– И я тебя!

– И если мне придется выбирать, прожить с тобой всю жизнь без титула графини или стать ей, но лишиться тебя, – предлагаю уйти отсюда! Я больше никогда не задумаюсь о роскошной жизни, лишь бы быть счастливой с тобой!

Карл поцеловал меня в лоб и в руку. Целовать в губы непозволительно в центре бального зала. Но как это было бы прекрасно!

– За что меня Бог так наградил? – спросил Карл. – Родная, я тебя люблю и исполню любой твой каприз. Но лишить тебя титула и фамильных почестей, которые исключительно твои, а не зевак, любителей потаскаться по музеям? Нет, Дамана! Мы отсюда не уйдем, пока ты не сделаешь то, что должна. То, к чему ты так стремилась! Так что, дерзай!

Я улыбнулась в ответ. В своем предложении я была абсолютно искренна. Но в то же время я знала ответ Карла, так что ничем не рисковала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.